

Игорь Озеров

**СЕМЬ ДНЕЙ
НА ЛЮБОВЬ,
ПРЕДАТЕЛЬСТВО
И
РЕВОЛЮЦИЮ**

Игорь Озеров

Семь дней на любовь, предательство и революцию

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70533100

SelfPub; 2024

Аннотация

Почему на пике своего развития в 60-70-х годах двадцатого века СССР вдруг согласился на сотрудничество со странами Запада? Сейчас стало абсолютно ясно, что Советский Союз сделал это в ущерб собственным интересам и собственной безопасности. Те неоднозначные процессы были названы «разрядкой». За ними последовала «перестройка». А потом произошёл развал страны. Конечно, никаких простых ответов нет. Направление мирового развитие формируется из направлений сотен векторов. Но, безусловно, в этой ситуации одним из главных векторов был вектор «предательства». Никаких твёрдых доказательств того, что советская элита предала свою страну, нет. Но если кто-то зелёный сидит в болоте, квакает как лягушка, прыгает как лягушка, то очень вероятно, что это и есть лягушка. Книжка художественная и все совпадения случайны. Но с большой вероятностью события в тот момент происходили так, как в ней описаны.

Игорь Озеров

Семь дней на любовь, предательство и революцию

Если выпало в Империи родиться, лучше жить в глухой провинции у моря. (И.А.Бродский)

Глава 1

Для Луиджи это было первое задание. Его соратники внимательно наблюдали за ним из припаркованного невдалеке автомобиля.

Вроде всё просто: прикрепить небольшой металлический ящик к раме стоявшего у магазина фургона. На другой стороне большой площади подсвеченный прожекторами красовался центральный миланский вокзал, а здесь было темно и немногочленно.

Всё можно сделать за несколько секунд: опуститься на асфальт за машиной и застегнуть ремешок контейнера вокруг рамы, поближе к бензобаку.

Фургон, со всех сторон оклеенный предвыборными плакатами, принадлежал итальянской коммунистической партии. Луиджи видел, как водитель и два пассажира направи-

лись к вокзалу. Возвращаясь, они опять пойдут через площадь, и поэтому он сможет их заметить раньше, чем они приблизятся.

Он оглянулся. Вокруг никого.

Но Луиджи не мог предположить, что молоденькая продавщица из соседнего магазина наблюдает за ним через стеклянную витрину. Несколько минут назад она выключила свет и уже собиралась выходить, чтобы закрыть магазин, но заметила странного парня в кожаной чёрной куртке и дорогих коричневых лоферах. Девушка знала, что так одеваются неофашисты с площади Сан-Бабила, а таким нечего делать у фургона компартии в этом районе. Когда он залез под машину, она выскочила на улицу.

Луиджи уже успел закрепить ящик, когда её увидел. Он быстро поднялся на ноги, бросил взгляд на автомобиль, где были его приятели, и бросился бежать в противоположную от них сторону. «Чем дальше от вокзала, тем лучше».

Когда у светофора Луиджи захотел свернуть в переулок, раздался взрыв. Он оглянулся и в пламени горящего автомобиля увидел, что девушка бежит за ним.

«Что ей надо? Зачем лезет не в своё дело?»

Он убедился, что выкидной нож, как всегда, в его правом кармане и решил, что в крайнем случае с ней можно будет легко разобраться. Главное сейчас – убраться подальше от места взрыва. Очень скоро здесь будет много полиции.

Луиджи бежал, постоянно оглядываясь, и поэтому не заметил, что на тротуаре сняли брусчатку для ремонта и сложили стопками прямо на дороге. Споткнувшись, он по инерции сделал ещё несколько больших шагов и с разгону врезался в мусорные баки.

Дмитрий услышал взрыв, когда разбирал чемодан. Он только сегодня приехал и сейчас обустроивался в отведённой ему комнате на втором этаже в жилом флигеле советско-итальянского Дома дружбы. Роскошный дворец в стиле итальянского модерна был построен архитектором Джузеппе Саммаругой в самом начале двадцатого века по заказу графа Альберта Медичи, члена известной всем семьи. После войны граф, поддержавший Муссолини и вложивший много средств в поддержку фашистского режима, разорился. Советский Союз выкупил дворец. Сейчас здесь организовывали неправительственные встречи для установления дружеских неформальных отношений с итальянскими лидерами.

Попасть сюда на место переводчика было большой удачей. Тем более, что никаких влиятельных родственников у Дмитрия не было. Если говорить точнее – он был круглый сирота.

Дима родился в Питере в день, когда советские войска в январе 1944 окончательно прорвали блокаду города. Мать умерла при родах. В этот же день на фронте, при освобождении

дении Пулково, погиб отец. Имя ему дали девочки-медсёстры в честь известного ленинградца Дмитрия Шостаковича. Потом был послевоенный детский дом. И хорошие учителя. Рассматривая в библиотеке альбомы с репродукциями картин великих художников, он открыл для себя итальянское Возрождение. Именно тогда у него появилась мечта увидеть Италию собственными глазами.

Чтобы мечта осуществилась и сбылась, да так быстро, Дмитрий не надеялся даже в своих самых фантастических снах. Но после университета его пригласили работать в серьёзную организацию, и через год он оказался в Милане.

Окна жилого флигеля выходили на улицу, ведущую к вокзалу. Из-за жары они были открыты. Поэтому Диме показалось, что взрыв произошёл совсем близко. Он выбежал во внутренний сад. Охранник Дома дружбы, дежуривший у кованых чугунных ворот, остановил его.

– Туда нельзя. У вокзала что-то случилось, – крепкий молодой мужчина в тёмном костюме положил ладонь ему на грудь. – На улицу лучше не выходить. А ещё здесь, перед нашими воротами, какая-то девчонка дерётся с парнем. По одежде он вроде как местный нацист. Их здесь полно...

– Ей надо помочь, – решительно произнёс Дмитрий и отодвинул руку охранника.

– Нам нельзя вмешиваться. Инструкция.

– Там, где я вырос, за такие инструкции морду били.

Дмитрий выскочил за ограду очень вовремя. Парень в чёрной кожаной куртке смог подняться и, оттолкнув девушку, вытащил из кармана нож. Но увидев Дмитрия и убежавшего за ним из ворот охранника, Луиджи испугался: одно дело – девчонка, а другое – два крепких парня. На его счастье в переулок влетела машина с его приятелями. Он заскочил в открытую дверь и автомобиль быстро умчался.

Девушка стояла тяжело дыша. Похоже, она и сама не ожидала от себя такой смелости и только сейчас поняла, как сильно рисковала. Она не была коммунисткой, но очень не любила ряженных в чёрную кожу молодчиков, марширующих по вечерам на Витторио Эмануэле.

– Вы не ранены? – спросил Дмитрий. – С вами всё нормально?

– Нормально, – незнакомка устало улыбнулась, – но я бы чего-нибудь выпила.

Глава 2

Дима получил небольшой аванс, и сейчас тоненькая пачка итальянских лир лежала у него в застёгнутом на пуговичку заднем кармане брюк.

«Почему бы не выпить? Спасённая очаровательная итальянка. Милан. Тёплый вечер. Что может быть романтичнее?»

– Зовут меня София, – представилась девушка. – И я замужем, – тут же уточнила она. – Так что ничего лишнего не

планируй. Просто выпить чего-нибудь покрепче.

– Я только сегодня прилетел, – Дмитрий, услышав её слова, растерялся и почему-то расстроился, – ничего здесь не знаю, но с радостью составлю компанию.

– Ну тогда вперёд. Здесь за углом хороший бар, – она взяла его под руку и потянула за собой.

– Я тоже в Милане недавно, – сообщила София, после того как выпила рюмку золотистого бренди. – А ты откуда? На итальянца вроде не похож.

Дмитрий наконец-то рассмотрел свою новую знакомую. Из-под непослушной длинной чёлки сверкали чёрные глаза, в которых горел живой интерес ко всему, что её окружало. Тёмные длинные волосы свободно падали на плечи. Синее платье на бретельках было стянуто на тонкой талии кожаным пояском.

То ли от бренди, то ли от впечатлений, голова у Димы кружилась. Он не мог оторвать взгляда от девушки. Ему казалось, будто бы она вся пропитана солнцем, и поэтому, если потрогать кончиками пальцев её оголённую руку, то можно обжечься.

– Так и будешь молчать и пялиться? – спросила она, покачивая головой в такт музыке. – И когда я узнаю имя своего спасителя?

– Дима. Дмитрий. Сегодня прилетел из России.

– Честно? – искренне удивилась девушка. – Я русских ни-

когда не видела... вот так близко. А ты ничего. Симпатичный. Надолго в Милан? Или так, проездом? – спросила София. Она говорила быстро и иногда, наверное для убедительности, в такт своим словам взмахивала рукой.

Они разместились на высоких табуретах около барной стойки. Дмитрию было неуютно: в таких заведениях он никогда не был. А девушка же, наоборот, чувствовала себя раскрепощёно и сидела свободно, закинув ногу на ногу. Платье на бёдрах натянулось и выгодно подчёркивало её соблазнительную фигуру.

– А я приехала из Неаполя, – она не стала дожидаться, пока он ответит, – точнее, из маленькой деревни в сорока километрах от города. Работы там нет, денег нет. Вот мы чуть ли не всей деревней переехали сюда. Милан – город богатый. Правда, у себя на родине я участвовала в конкурсе итальянской песни. Меня многие знали. А здесь таких, как я... – она поморщилась и взмахнула рукой, показывая на забитый бар, – здесь таких – каждая вторая. И все хотят поймать удачу за хвост.

– Ты не очень похожа на деревенскую девушку, – с сомнением заметил Дима, вспомнив поездку в колхоз под Питер для сборки мёрзлой картошки. – Наши девушки в деревне так не одеваются.

– Так я же сейчас в городе. А когда пасла овец у нас дома, то донашивала вещи старших братьев и сестёр, – без тени смущения объяснила София. – Это платье я уже здесь купи-

ла. Нравится?

– Да. Очень, – опустил глаза, смущённо ответил Дмитрий.

– Теперь ты даже не смотришь на меня, – рассмеялась девушка. – Не влюбился, случайно? Если хочешь, то можешь меня проводить. Кстати, мне уже пора.

– Муж ревнивый? – зачем-то спросил Дмитрий.

– Ревнивый, – кивнула девушка, красиво спрыгнула с табурета и пошла к выходу.

На улице было совсем темно. Фонари не горели, и даже машин не было.

– Ты меня проводи до метро, а дальше я сама, – попросила София.

– Я могу и до дома, – решительно предложил Дмитрий. – Ну, или как тебе будет удобно.

Какое-то время они шли молча, думая каждый о своём.

– Я была помолвлена ещё в деревне, – прервала молчание София. – Наши отцы были друзьями. Мы с будущим мужем родились в один день, и родители договорились, что когда придёт время, мы обязательно поженимся.

– А как же любовь? – не удержавшись, спросил Дима.

– Мы с детства ходили на один горшок и вместе гоняли гусей по улице. Он был мне как брат, а теперь... И разойтись мы с ним не можем. Потому что отцов наших уже нет, а обещание осталось. Мы католики – для нас это важно. Хотя... Кроме того, что мы католики, мы ещё и южане. И иногда бывает трудно себя контролировать.

Остановка Софии была последней на этой ветке. Когда они вышли из метро на улицу, Дмитрий с удивлением оглянулся: ряды новостроек ничем не отличались от питерских Черёмушек с такими же блочными домами. Рядом с выходом, совсем как в Ленинграде, на скамейке под деревьями весёлая компания пела под гитару какую-то итальянскую песню.

– Дальше я сама, – остановила его София. – У нас сюда вся деревня переехала. И у всех язык без костей. А муж мой действительно ревнивый. Он же неаполитанец, – объяснила она. Ей не хотелось расставаться с этим парнем, поэтому тут же быстро добавила: – Захочешь меня увидеть, приходи в магазин. Там, где сегодня машину взорвали.

Глава 3

Такого грандиозного приема в Доме дружбы не было никогда. Правительство Италии присудило главную премию фонда «Кино за мир» фильму об итальянском солдате, который во время войны попал в плен под Сталинградом. После освобождения он женился и остался в Советском Союзе. В съёмках участвовали звёзды итальянского и советского кино. Поэтому фильм, бесспорно, стал сенсацией. Но это был только повод.

Год назад руководство обеих стран задумалось о том, что хорошо бы между СССР и Италией установить более тес-

ные отношения, которые будут служить примером сближения стран социализма и капитализма. Была составлена программа мероприятий, и этот большой банкет был только началом.

Накануне из Москвы приехал коллектив русского народного танца. В день приёма после обеда девушек из ансамбля собрали в зале для инструктажа.

– Большинство из вас не первый раз за границей и знакомы с правилами, – нудным, усталым голосом произнёс со сцены невзрачный полный мужчина в сером пиджаке. Рядом с ним сидел директор танцевального коллектива Семён Иванович Бабаян и уже немолодая, но ещё привлекательная женщина с тугим пучком чёрных волос на затылке. – Напомню главное: выходить на улицу без сопровождающего запрещено, общение с иностранцами не в рамках вашего визита запрещено. Любая спекуляция предметами, привезёнными из дома – уголовное преступление.

– А что не запрещено? – спросила совсем юная девушка с первого ряда.

– На приёме будут политики, промышленники, звёзды кино и эстрады. Ваша задача – не дать им скучать, – строгим голосом учительницы начальных классов ответила женщина с пучком. – Общаться с ними в пределах этого здания не запрещено.

– Вы говорите, что наша задача не дать им скучать, – опять заговорила любопытная девушка, – а это как? Анекдоты им

рассказывать или ещё что-то?

– Не стройте из себя дурочку. Можно всё, кроме половых контактов.

– Всё равно непонятно. А поцелуи допускаются?

– Это по ситуации. Страна заинтересована в информации, которую можно получить от высокопоставленных итальянцев. Понятно, что не стоит вешаться на шею представителям братских соцстран. Они тоже приглашены, но вряд ли могут быть интересны в плане информации. Вы же актрисы – улыбайтесь, хлопайте глазами, изображайте из себя глупеньких девочек. Мужчинам это нравится.

– А как же мы с ними разговаривать будем?

– Здесь есть переводчик. Он поможет. Да и в школе надо было лучше учиться, – холодно напомнила женщина.

Троица как по команде встала из-за стола, показывая, что инструктаж закончен.

– Отдыхайте, девочки. Ваше выступление в самом начале вечера. Будьте готовы, – добавил директор и все трое вышли из зала.

Девушки остались одни.

– А мне бы и социалистический чех сошёл или даже поляк. У нас дома хороших мужиков совсем не осталось. Даже какой-нибудь директор завода выглядит как бедный пролетарий.

– Курица не птица, Польша не заграница. Хотя эти могут и подарочек сделать.

– Какой подарочек?

– Это уж как ты стараться будешь. Только ты особо губы не раскатывай. Все подарки по приезду придётся сдать. И тебе за это даже не заплатят. Если только с той тёткой не договоришься. Говорят, она может выкупить. За полцены, но всё-таки.

– Да уж. Печально всё это. Ну хоть поедим вкусно. От чёрной икры и осетрины на таких приёмах столы ломаются.

– А я утром смогла договориться с охранником и сбегала в магазин. Комбинацию себе купила. У нас таких днём с огнём не найдёшь. Можно по улице в ней гулять и все завидовать будут.

– Везучая. Только не болтай. А то кто-нибудь расскажет тому дяде в сером пиджаке и будешь потом в каком-нибудь Задрищинске всю жизнь в клубе колхоза Путь Ильича танцевать... перед трактористами.

Вечером Дмитрий стоял у ворот Дома дружбы вместе с директором и приветствовал прибывающих гостей.

Было много дорогих автомобилей, красивых и нарядно одетых женщин, на которых сверкали роскошные украшения. Некоторых Дима узнавал, вспоминая их роли в разных фильмах. Ещё месяц назад он мечтал попасть в аспирантуру и думал, хватит ли ему денег на то, чтобы снять комнату в коммуналке на Васильевском острове. А сейчас мимо него,

сверкая бриллиантами, проходили актрисы, увидеть которых в СССР не каждый может даже на экране в кинотеатре.

Одним из последних приехал кандидат в премьер-министры Италии Альде Морьячи. Веселый, красивый мужчина с добрыми, умными глазами мгновенно вызывал симпатию у всех, кто его видел. Советский Союз связывал с ним надежды на новые взаимоотношения между двумя странами. У этого молодого очаровательного мужчины были все шансы выбраться из кандидатов и стать реальным премьером. Альде Марьячи уже побывал в Москве, провёл много встреч и оставил очень благоприятное впечатление.

Банкет начался с выступления танцевального коллектива. Сначала девушки выступали в цветастых сарафанах и в кокошниках. В последних номерах, когда зазвучала латиноамериканская музыка, они вышли на сцену уже почти без одежды. На бёдрах трепыхалась узкая то ли повязка, то ли очень короткая юбка. Грудь прикрывали наклеенные золотистые звезды. Девушки стреляли глазами, соблазнительно улыбались, выискивая в публике мужчин посolidнее.

После выступления они переоделись в менее сексуальные наряды и вышли в зал.

Дима еле успевал помогать гостям и хозяевам понять друг друга. Поэтому большинство справлялось самостоятельно. Между разговорами он с интересом наблюдал за происходящим. Контраст между тем, что говорили советские дикторы

из телевизора о загнивании капитализма, и тем, что творилось на этом приёме, был поразительный. Ни о каком классовом противостоянии речи не было. Многие, наоборот, хотели уединиться, чтобы сблизиться ещё больше.

Когда приём был в самом разгаре, а гости, после деликатесов и разнообразных напитков, разделились на компании по интересам и разбрелись по всему дворцу, как удар грома разнеслась новость: здесь, в советско-итальянском Доме дружбы, убит кандидат в премьер-министры Италии. Его тело нашли в увитой плющом беседке в дальнем конце внутреннего сада с пулей в голове.

Глава 4

Из Меморандума Совета национальной безопасности США:

...С конца шестидесятых годов Итальянская коммунистическая партия занимает первое место в стране по количеству членов – более двух миллионов человек. Это позволяет ей участвовать в выборах всех уровней и успешно продвигать в органы власти своих кандидатов.

В ближайшее время ИКП может законным путём получить в стране полную власть.

Необходимо учитывать, что в их программе находятся недопустимые для нас положения: отказ от членства в НАТО и пересмотр денежно-финансовых отношений с США.

Вслед за президентом Франции Шарлем де Голлем новые власти Италии могут потребовать обмена долларов, находящихся в итальянских банках, на реальное золото. Это приведёт к обрушению нашей экономики и началу новой экономической депрессии в США.

Такая же ситуация сохраняется и в других странах Западной Европы: Франции, Испании, Португалии, Греции и т.д.

Если в ближайшее время не предпринять жёстких мер, то вся Западная Европа может перейти под контроль Советского Союза. США потеряют преимущество, которое получили в результате двух мировых войн и опять станут страной регионального масштаба.

Возможные меры противодействия:

1. Наиболее действенным методом борьбы с коммунистическим влиянием является подрыв его изнутри. Дискредитация коммунистических идей и внесение в них ложных концепций вирусного типа. Для этого необходимо создать ряд новых доктрин, которые будут иметь сходство с коммунистическими идеями, а по сути являться отвлекающими тупиковыми направлениями. В этой связи хорошо зарекомендовала себя идея еврокоммунизма, основанная на возможности проведения социальных реформ без изменения общественно-политическое устройство государства. Финансирование и внедрение этой теории позволит нам сохранить наше влияние через транснациональные компании на

все ключевые аспекты политики стран Западной Европы.

2. Необходимо усилить сотрудничество с любыми силами, которые могут быть нам полезны. В частности, необходимо оказать давление на итальянские преступные кланы, действующие на территории США, с целью обеспечения ими взаимодействия наших спецслужб с влиятельной в Италии организацией Cosa Nostra. Такое сотрудничество будет полезно в случаях необходимости физического устранения политических лидеров.

3. Увеличить финансирование неонацистских организаций по программе «Гладио». Целью которой является подготовка военного переворота в случае прихода к власти коммунистов. При этом необходимо понимать, что без прямого вмешательства вооруженных сил США такой переворот вряд ли будет иметь успех.

4. Ключевым пунктом программы является сотрудничество с высокопоставленными чиновниками СССР, с советской научно-культурной интеллигенцией. Создание в Советском Союзе сети агентов влияния. Результатом этой деятельности должно стать создание в СССР и странах Варшавского блока влиятельных сил, которые смогут продвигать в советском обществе нужные нам идеи, а значит расшатывать основы экономического и политического устройства Советского Союза. Только уничтожение СССР даст нам возможность сохранить наше влияние в мировой политике...

Глава 5

– Я не для того в этом дурацком издательстве машинисткой за копейки работала, чтобы за алкоголика замуж выйти, – злобно прошипела Анна. – Я писателя искала.

– Ну ты и вышла за писателя, моя ласточка, – Ираклий попытался придать своему голосу нежные нотки, но из-за утренней похмельной сухости во рту фраза получилась неубедительной.

– Это ты про себя? – фыркнула молодая супруга. У неё было плохое настроение и она, ещё не встав с кровати, решительно хотела им с кем-нибудь поделиться. – Если ты каждый вечер в ресторане Дома писателей водку пьёшь, это не делает тебя писателем.

– А миллионные тиражи моих книг делают? – откашлявшись и всё ещё пытаясь улыбаться, спросил Ираклий.

– Ты про свои творения о героях-революционерах? – Анна повернулась на бок, подвинула подушку повыше и презрительно посмотрела на мужа. – Это не литература. Твой дед писал про Ленина. Отец про Сталина. Ты оказался ещё хитрее: пишешь сказки про давно умерших людей. Изображаешь их чуть ли не святыми.

– Главное – платят. Или деньги тебе тоже не нравятся?

– Зачем деньги, если вокруг тебя сплошное убожество? – молодая женщина опять легла на спину и драматично раскинула руки.

– Миллионы людей мечтают жить как ты, мой ангел, – стараясь погасить конфликт, спокойно рассудил Ираклий. – А съездить в командировку в Италию мечтает вся страна.

Брак с красивой молодой Анной был уже третьей его попыткой изведать семейного счастья после двух неудач. Так что такой разговор был для него привычным. Он понял, что, похоже, и третья жена счастья ему не принесёт, и загрустил.

– Люди за дерьмовой колбасой по два часа в очереди стоят, а ты получаешь деликатесы в наборах с доставкой на дом. Не так уж всё и плохо, – сдержанно напомнил Ираклий. – Что тебя не устраивает? Посмотри в окно. Там, между прочим, Милан, а не твоя Шепетовка.

– Дело не в колбасе. Мне хочется свободы. Надоела серость, надоели эти гнусные рожи на улицах. Ты посмотри, насколько лучше нас живут те же итальянцы! Солнце каждый день. Цветы на улице. Улыбки. Люди вежливые.

– У нас тоже многое меняется. Хочешь, переедем жить из Москвы в Ялту? – вдруг предложил мужчина, хотя сам уже думал, как устроить бракоразводный процесс с наименьшими потерями.

– Ялта, Москва – какая разница... И дело даже не в Советском Союзе и социализме. Россия всегда была и будет нищей деревней.

Анна вдруг почувствовала изменение в настроении мужа и, испугавшись, что переборщила с упрёками, опять повернулась на бок и, поглаживая его плечо, добавила:

– Жизнь коротка, чтобы потратить её сидя у окошка, ожидая перемен. Давай уедем в Америку. Прямо отсюда.

Ираклий слишком многое видел в жизни, чтобы разговаривать на эти темы. Они были женаты только полгода, и Анна, работая в издательстве, вполне могла заключить маленький контракт с одной могущественной организацией и теперь специально провоцировать его на ненужные откровения. Он убрал с плеча её руку, встал с постели и будто бы между прочим спросил:

– Я тебя на приёме вчера почти не видел. Ты где была?

– Тебе-то какая разница, – грубо ответила супруга, – где была, с кем была? Пил бы меньше – всё бы знал.

– Да так... просто спросил, – какая-то часть его грузинской крови попыталась закипеть от такого ответа. Он даже подумал, что неплохо было бы взять подушку и хотя бы чуть-чуть придушить ею эту красивую суку... Но Ираклий быстро сообразил, что скандалы здесь, в Италии, ему не нужны. – Я, кстати, вчера на этом приёме познакомился с одним известным продюсером. Сейчас за мной заедет его машина, и я поеду к нему на встречу. Хорошо, что успел договориться до того, как убили того итальянского политика. Потом началась такая суматоха... Это сильный удар по советско-итальянским отношениям. Нас могут больше сюда и не пригласить, – он взял брюки с кресла и, с трудом удерживая равновесие, пытался попасть ногой в штанину. – Поэтому от встречи с этим денежным мешком много что зависит. Жаль, я ни-

какими языками не владею. Придется брать переводчика

Дмитрий никогда не ездил на таких красивых машинах. Золотистый «Линкольн Континенталь» своими размерами и дорогой отделкой был похож на элегантную яхту. Ираклий, следуя традиции советских партийных работников, панибратски устроился на переднем сиденье рядом с водителем. Дима, оказавшись один на огромном заднем диване, чувствовал себя неуютно среди ослепительной роскоши.

Большую часть пути проехали молча. Только когда справа от дороги заблестело вытянувшееся между горных хребтов озеро, писатель не удержался:

– Как же вам повезло. Каждый день можете любоваться такой красотой, – сказал он водителю – смуглому арабу с глубокими морщинами на высохшей коже.

– Да я привык. Когда приехал сюда из Алжира, то да, было здорово. В деревне на озере жильё дешевле стоило, чем в Милане, поэтому мы с семьёй здесь и поселились. И коз можно было завести. После наших бескрайних песков, палящего солнца и домиков из глины и соломы казалось, что в рай попал. А главное, сразу работу нашёл. Теперь освоился и не замечаю. О другом больше приходится думать.

– О чём же, если не секрет?

– Бензин каждый день дорожает, уголь для дома, мука... Зарплаты хватает только на еду и одежду. У меня пятеро де-

тей. Учиться хотят. А где деньги найдёшь?.. Власть думает только о своих, о богатых. На нас ей наплевать.

Дальше ехали молча. Остановились у железных ворот с завитушками в виде виноградных листьев. За забором и кипарисами был виден дом из серых камней с башенками по углам, напоминающий старинный замок.

Через пятнадцать минут Ираклий вместе с продюсером, с которым он познакомился на приёме, сидел на тенистой террасе и пил красное вино. Генри Киссен – хозяин дома, – встречая их у ворот, уверил, что отлично знает русский язык, и поэтому переводчика можно отпустить погулять по улицам их очаровательного городка.

Может быть, Ираклий был не самым лучшим писателем, но в людях он разбирался великолепно. Поэтому весёлый толстячок в светлом помятом пиджаке, который с первой минуты их встречи на приёме в Доме дружбы сыпал комплиментами, не мог его провести. И ещё эти маленькие колючие как у крысы чёрные бусинки глаз, от которых ничего не спрячешь. Такие чаще бывают у карточных шулеров, а не у добродушных любителей советской литературы. У карточных шулеров и у людей, которые занимаются теневой политикой, где нет никаких правил, а мораль – понятие весьма условное.

– Вчера трагическое событие не позволило нам закончить разговор, – удрученно наморщив лоб, напомнил хозяин до-

ма. – Так что не будем его откладывать. Чтобы нам больше ничего не помешало.

– Даже не могу представить, чем я смог заинтересовать такого человека, как вы.

– Дело в том, что недавно я совершенно случайно посмотрел фильм «Доктор Живаго», и для меня это было не просто открытие. Это изменило мою жизнь. У меня появилась мечта, – пояснил Генри Киссен.

– Вы хотите написать такой же роман, как когда-то написал Пастернак? – попытался пошутить Ираклий.

– Конечно нет, – из вежливости рассмеялся толстяк. – Я хочу, чтобы его написали вы.

Ираклий допил вино, поставил бокал на столик и внимательно посмотрел на хозяина.

– Это не мой уровень, – честно признался он. – Думаю, вы это прекрасно знаете.

Продюсер опять рассмеялся. Он довольно легко для своей комплекции выбрался из глубокого плетёного кресла и быстрыми короткими шагами подошёл к стене, на которой висело несколько картин.

– Вот рисунок Пикассо. Стоит несколько миллионов, – он ткнул толстым коротким пальцем в картину, на которой карандашом была нарисована какая-то птица, похожая на голубя. – Думаете, она так много стоит потому, что это какая-то гениальная работа? Нет, конечно. Это просто мазня. Это мы, продюсеры, сделали так, что на любом аукционе за неё дадут

кучу денег. Это мы, с помощью хорошо оплаченных критиков, убеждаем людей, что это шедевр. Это мы говорим людям кто гений, кто нет.

– Это всё понятно, – кивнул Ираклий, тоже поднявшись с кресла, чтобы посмотреть на картину, – но при чём здесь я?

– Да всё просто. Вы пишете роман, а я делаю его шедевром и снимаю по нему фильм.

– Может у вас и тема есть для этого романа? – недоверчиво усмехнувшись, спросил писатель.

– Тема любая. Но одно условие. Это должно быть связано с преступлениями коммунизма. Например, описать трагическую жизнь интеллигенции в советских тюрьмах и лагерях. Вы это сможете. Нужно придумать для этого звонкое и зловещее название. Например, «Гулаг». Кстати, вы хотите получить Нобелевскую премию?

В этот момент в комнате раздался мелодичный телефонный звонок.

– Одну минуту, – хозяин подошёл к столу и снял трубку. Несколько секунд он молчал. Потом повернулся к гостю и, чуть помешкав, произнёс: – Убита ваша жена. Вам, наверное, нужно вернуться в Милан.

Глава 6

Гостиничный коридор казался Ираклию бесконечным. Приближаясь к номеру, у которого собралась толпа людей, он неосознанно искал повод развернуться и убежать. Спря-

таться там, где его никто не найдёт.

Генри Киссен вызвался сам довезти его до Милана. И сейчас он шёл чуть сзади, не подпуская назойливых журналистов. Ираклий старался не смотреть по сторонам, но всё равно ощущал на себе любопытные взгляды отельной прислуги и полицейских из оцепления. Даже фоторепортёры выглядели из-за чёрных камер, чтобы посмотреть на мужа убитой. Ему казалось, что в их липких взглядах больше насмешки, чем сочувствия.

В маленьком номере, предназначенном для мимолётных встреч, было несколько мужчин. Все разглядывали его Анну, которая абсолютно голая лежала среди скомканного белья на огромной кровати. Ираклий машинально подумал, что всё здесь выглядит очень ненатурально. Розовые стены с репродукциями эротических картин, светильники в виде бронзовых подсвечников и особенно огромный букет бордовых роз на прикроватной тумбочке. Их несоответствующий моменту сладкий аромат заполнил всю комнату. У Анны была аллергия на всё цветущее, и поэтому она бы никогда не поставила цветы рядом с собой.

Длинные золотистые волосы, вьющимися локонами разлетевшиеся по подушке, создавали иллюзию, что жизнь ещё не ушла из её красивого тела. Но навсегда застывший взгляд не оставлял никаких сомнений: смерть забрала с собой ещё одну попутчицу.

– Трогать ничего нельзя. Я хотел закрыть глаза, но мне не

дали. Даже накрыть одеялом не разрешили, – сказал Ираклию директор Дома дружбы. – Позвонили из полиции и я сразу же приехал.

Борис Ильич Шляпнер, назначенный сюда в Милан всего год назад, уже понял, что вторая смерть в зоне его ответственности – это крах карьеры. И, скорее всего, в ближайшее время его переведут в Союз, а там... Он даже думать не хотел, что с ним будет после всех разбирательств. В лучшем случае направят работать в профком на какой-нибудь сибирский завод, а в худшем – пошлют рубить лес в том же очень далёком от богатой Европы регионе Советского Союза.

Директору уже сообщили, что завтра из Москвы прилетает самолёт с комиссией, которая будет выяснять, как произошло убийство Альде Морьячи. А теперь ещё эта женщина...

Шляпнер знал, что руководителем прибывающей группы назначен Павел Иванович Судохватов. Человек-легенда, от которого ничего хорошего ждать не приходилось.

Воевать Судохватов начал ещё в Испании. После провального для СССР начала войны его оставили в фашистском тылу для организации партизанских отрядов. Два года он пускал под откос немецкие поезда, был тяжело ранен, попал в плен, бежал. Воевал во французском Сопротивлении. После войны руководил военной разведкой. Когда умер Сталин и люди стали возвращаться из лагерей, его, наоборот, захотели туда отправить. Но оказалось, что это невозможно. Слишком много знал Павел Иванович о высшем советском руко-

водстве. А где он хранил свои архивы, узнать не удалось даже на допросах с пристрастием. Если бы его бумаги всплыли в какой-нибудь L'Humanité, то это было бы приговором для коммунистической элиты.

После неудачной попытки избавиться от слишком осведомленного ленинца, его направили на работу в Комитет по взаимодействию с коммунистическими партиями европейских стран. На этом месте у Судохватова был такой несокрушимый авторитет, что без согласования с ним не начиналась ни одна забастовка в Западной Европе.

– Сейчас, как мне сказал комиссар полиции, придут эксперты, – опять заговорил директор, – но уже ясно, что, скорее всего, причина смерти – наркотики. В ванной нашли шприцы и всё прочее... Как же вы так, Ираклий Шалович, не досмотрели за супругой? За красивыми и молодыми женщинами нужен глаз да глаз.

У Шляпнера не было ни жалости, ни сострадания к этому франтоватому писателю и к его молодой жене. Он думал о себе. Теперь его собственной жене придётся съезжать из шикарной квартиры на Фрунзенской набережной, а детям прекращать обучение в московской спецшколе и уезжать в неизвестную холодную тьмутаракань.

– Какие наркотики?! – вскрикнул Ираклий, будто очнувшись. – Анна даже вино никогда не пила – о здоровье заботилась. Что вы вообще несёте? С ума сошли? – разозлился

Ираклий. Неконтролируемая злоба, зародившись где-то внизу живота, мгновенно разрослась по всему телу и ударила в виски. Он схватил за лацканы пиджака этого дрожавшего от страха человека с бесцветными глазами и блестящими от выступившего пота залысынами. – Я утром, всего несколько часов назад, её оставил у вас в Доме дружбы. Как она оказалась в этом отеле? Вы-то куда смотрели? Вы во всём виноваты! – он тряс бедного Шляпнера, как тряпичную куклу.

Хорошо, что в этот момент рядом оказался Генри Киссен. Он оторвал Ираклия от директора и вывел из номера в коридор.

– Очень вам сочувствую, Ираклий Шалович. В голове не укладывается. Кто же мог это сделать?.. У вас есть какие-нибудь предположения?

– Утром она уговаривала меня остаться у вас на Западе и вот... – неосторожно проболтался Ираклий.

– Какая трагедия, – печально покачал головой продюсер. – Хочу напомнить, что наш договор остаётся в силе.

– Какой договор? – не понял писатель. – Ах, да.

– Почему я напоминаю об этом в эту трудную для вас минуту, – продолжил Генри, изобразив на своём круглом лице скорбь и сочувствие. – Лучшей возможности получить политическое убежище у вас не будет. Скоро вас отправят в СССР и тогда будет поздно. Кстати, смерть жены можно представить как охоту на вас. Будто бы советские спецслужбы узнали о вашем решении эмигрировать и захотели оста-

новить. Да и конфликт с этим вот... вашим директором.

Даже не очень щепетильного Ираклия покорила такая беспринципность, но грубить Генри Киссену он не стал.

– Давайте обсудим это позже, – ответил он

– Подумайте, конечно. Но не затягивайте. Советских писателей много, а Нобелевских премий не очень.

Ираклий в знак согласия молча кивнул продюсеру и вернулся в номер. Директор Дома дружбы испугано взглянул на писателя и отошёл в другой угол комнаты. Шляпнер со страхом думал, что завтра скажет комиссии.

«Чтобы меня не сделали крайним, надо самому им предложить удобного «стрелочника». Писатель не подойдет – у него хорошие связи. Тогда кого?»

Борис Ильич оглянулся и увидел стоявшего в сторонке нового переводчика Дмитрия.

«Вот такой бы подошёл. За ним вроде никто не стоит. Да к тому же сирота. Только вот, как его ко всему этому привязать?.. Думай... думай... От этого зависит не только твоё будущее, но и будущее двух твоих сыновей. Ты же не хочешь, чтобы они работали на каком-нибудь жутком сибирском заводе...»

Глава 7

Дмитрий без труда нашёл магазин, где работала София. Три раза прошёл мимо, собираясь с духом, но войти так и не решился. Каждый раз, когда он протягивал руку, чтобы от-

крыть дверь, ему становилось страшно. Дима боялся, что девушка уже забыла про него, и ей, и ему будет неловко вспоминать их случайную встречу. Часы показывали, что до закрытия магазина оставалось всего полчаса, и он решил подождать на улице.

София увидела его через большое витринное окно и радостно помахала рукой, показывая, что скоро закончит.

Считается, что девушки меняют причёску, когда хотят изменить свою жизнь. София постриглась. С чёрными короткими, но как и прежде непослушными вьющимися волосами, в лёгком голубом платье она через несколько минут выскочила из магазина, чуть не сбив ждавшего её у входа Дмитрия.

– Куда пойдём? – задорно спросила она, сверкая карими глазами и оценивая реакцию Дмитрия на свой новый образ. – У меня есть одна мечта... Поможешь осуществить?

Не дожидаясь ответа, она схватила его за руку и куда-то потащила.

– Для этого не придется грабить банк? – растерялся Дима.

– Нет конечно, – засмеялась София. – Моя мечта стоит недорого, и за свой билет я заплачу сама. Одна я боюсь туда идти... И одна не хочу.

– Давай попробуем, – согласился Дима.

София с трудом сдерживала эмоции. Она то забегала вперёд, пытаясь заглянуть в его глаза, то пыталась что-то рассказывать про работу, которая ей совершенно не нравилась, то

останавливалась у какой-нибудь витрины, чтобы посмотреть на выставленные там вещи и на своё с Димой отражение.

Когда они подошли к кафедральному Миланскому собору, уже начинало темнеть. Пока купили билеты и поднялись на лифте на его крышу, стало совсем темно.

– А ведь так даже лучше, – прошептала девушка и осторожно подошла к массивным перилам из белого мрамора. Кроме широких перил от остального мира крышу ограждали десятки готических шпилей из такого же мрамора и множество статуй, расставленных по периметру крыши на каменном парапете. – Ночью всё видишь по-другому. Будто попал в сказку и ещё не знаешь, поможет тебе добрая волшебница или нет.

Где-то далеко внизу на соборной площади бродили маленькие люди. Фонари и их мерцающий свет, и правда, всё изменили. Дома, улицы, весь город вокруг собора и сам собор – всё это казалось гигантской декорацией к бесконечному спектаклю, где актёры давно забыли свои роли, но продолжают играть, сами не зная зачем и с какой целью они это делают.

– Попасть сюда и была твоя мечта? – с любопытством спросил Дмитрий.

Они стояли плечом к плечу, облокотившись на перила, осматривая с высоты древний город, где-то ярко освещённый, где-то погружившийся во тьму.

– Да. Но у меня есть ещё одна мечта. Большая. Настоя-

шая, – серьёзно ответила девушка.

– Поделишься?

– Хочу вернуться в деревню, где родилась. Купить светло-жёлтый домик под горой. Чтобы за домом росли кипарисы с цикадами. Хочу много детей. Хочу, чтобы на участке был ручей с ледяной прозрачной горной водой. Хочу оливковый сад. И чтобы было кого любить, – она украдкой посмотрела на Диму, – и чтобы любили меня. Без этого всё это не имеет смысла, – София оттолкнулась от перил, сделала шаг назад и повернулась к Дмитрию

– А ты? О чём ты мечтаешь? Скучаешь по родине?

– Я? – Дмитрий задумался. – Я не знал своих родителей. Меня в приюте воспитали чужие люди. Добрые хорошие люди. Но обратно в детский дом я не хочу, – он усмехнулся и тоже отодвинулся от парапета. – Я не знаю, что такое родина. У меня никогда не было своего дома и своей семьи. Были друзья, двор, где мы играли, было место, где я прятался, когда хотелось побыть одному и подумать о чём-нибудь важном... – он подумал, стоит ли ей всё рассказывать и не удержался: – И ещё у меня была мечта – написать книгу о том, зачем мы живём, зачем рождаемся, любим, умираем. Есть ли в этом какой-нибудь смысл...

– И что тебе мешает это сделать? – спросила София.

– Сначала нужно разобраться самому, – ответил Дмитрий и рассмеялся. – Это дело на многие годы. Точнее, на всю жизнь, – он сделал несколько быстрых шагов вдоль парапета,

остановился и вернулся к Софии: – Хотел бы каждый день приходить утром в библиотеку. В тишине переверачивать страницы древних рукописей, на которые и дышать страшно. Спрятаться там от всех в глубине веков, пытаюсь разобраться в самой большой тайне человечества.

– Спрятаться от всех... – разочарованно повторила за ним София. – Не понимаю, какой в этом смысл? Всю жизнь просидеть в пыльной библиотеке? Мечтаешь о славе? – спросила она. – Хочешь, чтобы на улице узнавали?

– Нет-нет! – воскликнул Дмитрий. – Не ради славы, не ради премий и аплодисментов. Писатель, как и ученый, и музыкант, и художник, работает не ради этого. Он, как альпинист, соревнуется только с вершиной и самим собой. И если что-то и хочет доказать, то только самому себе... – Дмитрий посмотрел на расстроенную Софию и улыбнулся. – А о домике под горой я тоже мечтаю. Когда есть такой домик, то, может быть, и эти знания не нужны. Особенно, если есть хороший камин и большой сад. И, наверное, нужна та, с кем будешь гулять по этому саду, – добавил он и, набравшись смелости, чуть касаясь талии, притянул девушку к себе. – Бог создал мужчину и женщину и поселил их в райском саду... Но они потеряли своё счастье.

Прожектора на крыше и фонари внизу на площади несколько раз моргнули и погасли. На несколько секунд статуи и шпили спрятались в кромешной тьме. А потом чёрные облака на небе будто специально уплыли в разные стороны,

и прямо над собором появилась огромная круглая луна. Похожая на только что пожаренный, блестящий от масла блин, она залила всё вокруг жёлтым призрачным светом. Луна была так близко, что, казалось, ещё чуть-чуть и она зацепится за острые шпили храма.

– Адам с Евой не были счастливы в райском саду, – прозвучал голос из полутьмы.

Дмитрий и София обернулись. Кроме них на крыше был только один человек: старичок в сутане с длинной палкой, на которую опирался.

– Простите, – произнёс Дима, – это вы нам?

– Да, вам. Вокруг же больше никого нет, – незнакомец кивнул, приветствуя их – Прошу прощения, но вы так громко разговаривали, а здесь так тихо...

– А почему вы уверены, что те первые люди в раю – Адам с Евой – не были счастливы? – не дослушав извинений, спросила София.

– Тот, кто создал этот мир, тоже думал, что достаточно создать двух людей и поселить их в раю, где нет бед и несчастий. Где не надо думать, как добыть хлеб насущный. Где не надо трудиться, переживать, беспокоиться о чём-то. Создатель решил, что это и есть счастье, – объяснил старичок. В лунном свете хорошо было видно его смуглое, с сетью морщин у насмешливых глаз, лицо. – Но оказалось, что этого мало. Чтобы увидеть свет, нужна тень. Без этого люди даже в раю не могли понять, что счастливы. Поэтому Творец опра-

вил их на Землю. Они узнали, что такое печаль, что такое борьба и что такое боль. Только здесь они смогли понять, что такое счастье. И что такое любовь, – старик хитро посмотрел на Дмитрия и добавил: – Осталось понять, зачем всё это было нужно. Как только люди это поймут, они вернутся в тот райский сад.

В этот момент опять включились прожектора. Их свет был таким ярким, что глазам стало больно. Когда Дима и София привыкли к свету, незнакомца на крыше уже не было.

Они спустились вниз на площадь и зашли в храм. В огромном зале, разделённом рядами колонн, шла служба. Дима с удивлением заметил, как изменилась София. От входа до алтаря рядами стояли тёмные деревянные скамейки. Она села на край одной из них, опустила голову и стала молиться. Девушка что-то шептала и непрерывно крестилась. Она делала это так страстно и самозабвенно, будто бы весь её прошлый жизненный путь был вымощен страшными грехами.

Когда Дмитрий поздно ночью вернулся в Дом дружбы, охранник сообщил, что больше покидать свою комнату он не имеет права, так как директор издал распоряжение посадить его под домашний арест.

Глава 8

Этот самолёт специально переоборудовали из стратегического бомбардировщика в пассажирский для визита Хру-

щёва в США. Но тогдашнему генсеку не понравилось, что выход из него был сзади под хвостом. «Меня будет встречать американский президент и представители американских СМИ. Я должен приветствовать их стоя высоко, во весь рост, а не вылезать из задницы самолёта», – сказал Никита Сергеевич. И полетел на другом лайнере.

Хрущёв давно и бесславно умер, а бывший бомбардировщик использовался для важных, но не очень афишируемых полётов за границу советских делегаций.

Именно на нём вылетела из Москвы в Милан быстро собранная комиссия для расследования обстоятельств убийства в Доме дружбы итальянского политика Альде Морячи. Два главных руководителя этой команды хорошо знали друг друга и представляли две постоянно враждующие между собой группы в советском правительстве.

Планировалось, что совместным с итальянцами расследованием будут заниматься рядовые члены комиссии. А у этих двух были свои дела. Один собирался встретиться с лидерами дружественных рабочих партий. Другой – провести тайные переговоры с «серым кардиналом» американской политики, с человеком, который последнее время определял стратегию и тактику Запада в отношении Советского союза – с Генри Киссенгом.

Председатель Комитета по взаимодействию с коммунистическими партиями европейских стран Павел Иванович Судохватов ещё из Москвы договорился о встрече с руково-

дителями основных европейских движений, которые сотрудничали с СССР. У него был смелый план действий, который он втайне от всех самостоятельно разрабатывал несколько лет. Смерть Альде Морьячи означала, что пришло время для его осуществления. Сейчас или никогда. США и их марионеточные союзники проигрывали по всем направлениям. Нужен был лишь хороший пинок, и всё западное единство рассыпалось бы как карточный домик. Павел Иванович прекрасно понимал, что противник тоже хорошо это знает. Поэтому и организовал убийство просоветского кандидата в премьеры Италии, прибегнув к последнему средству – политическому террору.

О плане Судохватова не знал никто. Не только потому, что Павел Иванович давно не верил партийным чиновникам. Старый партизан был хорошо осведомлён о готовности части советского руководства к разным компромиссам с теми, кого сам он считал непримиримыми врагами Советского Союза.

Таким чиновником, готовым ради ничтожных бытовых благ отказаться от всех достижений социализма, даже от независимости страны, он считал второго члена комиссии – Владлена Семёновича Брахмина.

Выходец из КГБ Владлен недавно стал самым молодым кандидатом в члены Политбюро. И в длинных гулких коридорах дома № 4 по Старой площади поговаривали, что в будущем он может оказаться новым Генеральным секретарем

КПСС.

О потрясающей работоспособности Владлена Семёновича ходили легенды. Как-то он не спал трое суток, организуя встречу в Вене Хрущёва и Кеннеди. Потом, когда лидеры разъехались, Брахмин, ещё не добравшись до кровати, в фойе отеля легко выиграл в шахматы у тогдашнего чемпиона страны Виктора Корчного, которого взяли в Вену в числе представителей советской интеллигенции..

Владлен был невысокого роста и с совершенно заурядной внешностью. Лишь болезненная худоба и ледяные глаза под бесцветными бровями выделяли его из толпы. Конечно, не только благодаря трудолюбию и усердию он выбрался наверх. Был кто-то, кто стоял за его спиной и вовремя помогал забраться на следующую ступень карьерной лестницы.

С виду разные, они были похожи в одном: никто из них не привык сдаваться. Только Владлен всё происходящее вокруг воспринимал как большую игру. Очень важную, захватывающую, но игру. Себя он видел лишь игроком. Игроком-индивидуалом. А Судохватов не разделял себя и страну. Победы и поражения Советского Союза для него были как личные победы и поражения, когда ошибка может стоить жизни не только лично ему, но и привести к краху государства.

Спорить они начали сразу, как только самолёт поднялся в воздух. На яростные речи Павла Ивановича Владлен отвечал спокойно, со снисходительной улыбкой. Это доводило Судохватова до бешенства. Ему очень хотелось стереть улыбку с

лица этого самодовольного сопляка.

– Еврокоммунизм у нас? В СССР? Да вы там в ЦК с ума все что ли сошли?! – не сдерживаясь, кричал бывший партизан. Они были одни в этой части самолёта, обустроенной для первых лиц государства. Спорщики сидели напротив, утопая в мягких чёрных креслах. Владлен сидел расслабившись, а Павлу Ивановичу было неудобно и он постоянно елозил, пытаясь сесть более ровно. – Не существует никакого еврокоммунизма, – он пытался жестикулировать, но от этого проваливался в обволакивающую глубину кресла ещё больше. – Если заводы и фабрики, скважины и рудники в руках капитала, то это капитализм. И никак иначе. А это значит, что правящий класс не пролетариат, а капиталисты. Точнее, банкиры. Что здесь непонятного? – он нервно вытер ладонью пот с высокого лба. – Государство – это всегда лишь орудие. При капитализме государство – это карательное орудие капиталистов! – выкрикнул он по слогам. – Неужели даже это тебе непонятно?

– Никакого капитализма давно уже не существует, – тихим бесстрастным голосом отвечал Владлен. – Маркс писал свой «Капитал» сто лет назад. Всё давно изменилось. Толстопузые буржуи-кровососы в чёрных фраках и высоких котелках остались только на карикатурах в газете «Правда». Всеи экономикой на Западе давно управляют акционеры и менеджеры. И они, кстати, тоже народ. Именно они двигают страну вперед и улучшают уровень жизни того же пролета-

риата, который без них просто безвольная толпа.

– С чего ты решил, что когда вы отдадите всё этим твоим «акционерам и менеджерам», они построят у нас сказочный рай? Глупость! – не унимался Судохватов. – Они вывезут из страны всё ценное. Потом уедут сами. А здесь развяжут бесконечную гражданскую войну. Все на всех. Брат на брата. Сын на отца. Найдут повод стрavitь.

– Зачем им это? – пожал плечами Владлен.

– Для того, чтобы спросить с них некому было. Нет истца – нет ответчика. Если мы пойдём по этому пути, то через 50 лет от СССР и России даже воспоминаний не останется. Всё сотрут. И Пушкина, и Чайковского, и Королёва с Гагариным. А в своих учебниках напишут, что здесь жили хищные двуногие звери-каннибалы, которых необходимо было уничтожить.

– Ну, не стерли же историю двух десятков европейских стран, в которых уровень жизни гораздо выше, чем у нас. Живут люди и к нам не просятся.

Так и не найдя удобного положения на диване, Павел Иванович встал и подошёл к маленькому бару, где за стеклом были видны разноцветные бутылки. Открыл створку и сразу захлопнул её обратно, резко повернувшись к Владлену.

– Может быть, путём разрешения лавочников и прочих мелких собственников и можно быстро решить какие-то проблемы. Но ненадолго. Да, завтра в коммерческих, или как вы там их назовёте, магазинах появятся какие-нибудь колба-

сы и пирожные. Только период этот будет недолгим. Лавочниками это не закончится. Им понадобятся наши заводы и наши недра. А за этим неизбежно начнётся распад страны, гражданская война и полевые кухни на площадях для голодающих. Поэтому проблему насыщения хорошими и дешёвыми товарами можно решить только через плановую экономику и социализм. Медленно, но верно.

– Да нет у нас времени, – раздраженно, будто отмахиваясь от надоедливой мухи, возразил Владлен, – совсем нет. Люди хотят красивую одежду и вкусную еду сегодня, а не завтра и не на том свете.

Судохватов задумался. Он понимал, что во многом Брахмин прав. Люди устали. Он перестал кричать и стал говорить тихо и спокойно:

– Исходить надо не из фантазий, а из того что есть. Наш социализм, плох он или хорош, является объединяющим стержнем, на котором сейчас держится вся страна. Пойми ты, социализм – это её хребет. Если вы пойдёте по пути соглашательства с Западом, начнёте придумывать что-то типа очередного НЭПа или, как сейчас модно говорить, еврокоммунизма, то оглянуться не успеете, как страна рассыплется словно карточный домик. Они ведь там только этого и ждут. Это планируют. На это надеются.

Он сел на край кресла рядом с Владленом, положил руку ему на плечо и продолжил:

– Неужели ты не понимаешь? Вы просрёте не только со-

циализм, вы просрётё СССР. А потом и Россию. То, что у нацистов не получилось сделать военным путём, они пытаются сделать тихо и незаметно. Заберутся к нам в душу со сладкими речами и лживыми обещаниями. Вырядятся в овечьи шкуры друзей и партнёров. А по сути останутся теми же фашистами, за которыми так же, как и тогда, тридцать лет назад, будут стоять те же финансовые мешки. Те же самые банкиры.

Глава 9

Генри Киссен знал о Советском Союзе, наверное, больше, чем многие его руководители. Во-первых, его родители, бабушки, дедушки, бабушки не одну сотню лет прожили в Российской империи в местечке Новоселица Бессарабской губернии. Семья эмигрировала в США ещё в 1907 году, но русский язык был одним из языков общения между родственниками, особенно в минуты больших и малых семейных скандалов.

А во-вторых, когда родители перестали его пичкать русской культурой, как манной кашей, он уже и сам не мог жить без неё. Если бы Генри спросили, как он к ней относится, он не смог бы ответить. Любить он её не мог: это была чужая культура. Уважать не хотел. Но она была той частью его жизни, избавиться от которой можно было только с потерей самого себя.

Терять себя он не хотел, поэтому в университете продолжил изучать Россию, точнее, Советский Союз. Несколько раз

был в СССР. Изъездил всю страну. Ходил в море с рыбаками на Камчатке. Пил водку с трактористами в колхозе под Рязанью.

Потом была Вторая мировая. Генри не прятался в тылу. Высаживался с армией в Нормандии. Дошёл живым до Эльбы. Тогда СССР был союзником. Но не долго...

Прошло пару лет и русские стали врагом номер один. Генри Киссен открыл свой фронт на этой холодной войне. За двадцать лет он стал одним из главных командиров Запада в этой битве. Командиром умным, смелым, отлично подготовленным, жёстким и не знающим никаких правил и законов.

Недавно он переехал в Европу и купил домик в предгорьях Альп на берегу озера Комо. Ближе к линии фронта, как он говорил. Представлялся продюсером, издателем, политическим обозревателем. В особняке, с потрясающим видом на остроконечные горы со снежными шапками и на озеро у их подножья, было удобно встречаться с нужными людьми. Никто не мешал и никто его не контролировал. Генри Киссену нравилось быть свободным охотником.

На днях он получил директиву, которую сам и подготовил пару месяцев назад и послал в Вашингтон. Теперь его доклад оброс печатями, подписями и резолюциями очень больших начальников. Но суть не изменилась – Запад эту войну проигрывает вчистую.

Генри в десятый раз перечитывал полученные бумаги. Хотя всё это он и так прекрасно знал.

США получили пинка во Вьетнаме, угробив репутацию и десятки тысяч своих солдат. Получили пинка на Кубе. А это практически у себя дома на заднем дворе. Прозевали нефтяной кризис, который устроили арабы. Герой Сопротивления французский президент Шарль де Голль и другие европейские лидеры потребовали обмена долларов на реальное золото, а это означает крах американской финансовой системы.

Дома, в самих США, – «Черные пантеры», Анджела Дэвис, хиппи, наркоманы... Как вирус расплодится по университетам и колледжам марксизм и прочая зараза.

А СССР... Подавляющее превосходство в космосе, в ракетостроении. Это значит, и в военной сфере. Страна мобилизована и готова решать любые задачи. У страны и у людей есть ясная и понятная цель. После жуткой для Советов войны восстановлена экономика. Достигнут ядерный паритет. Советский Союз полностью автономен и ни от кого не зависит. Если власти страны смогут быстро и грамотно перестроить экономику, перенаправить часть сил и средств на улучшение жизни людей, то через пару десятилетий СССР будет недостижим. И что более важно – он будет несокрушим. Ни экономически, ни, тем более, военным путем.

«Да уж, – вздохнул Генри. – А нас подтолкни, и мы с грехом упадём. Это ведь мы – колосс на глиняных ногах, а не Советский Союз, как пытаются представить наши купленные журналисты. Точнее даже не на глиняных, а на бумажных,

на долларовых. Последний шанс и последняя возможность избежать нашего краха – подорвать СССР изнутри. И кроме меня, и лучше меня это сделать никто не сможет, – он улыбнулся сам себе. – И уж точно это не сделают клоуны-президенты, которым только по телевизору красоваться, – продюсер провел ладонью по голове, приглаживая волосы. – Вот она, роль личности в истории. Если не ты, то никто».

Он не спеша подошёл к большому зеркалу и повернулся к нему боком. Хлопнул себя по большому животу.

«Карфаген должен быть разрушен. И я это сделаю, – произнёс Генри своему отражению. – А заодно надо сбросить килограмм двадцать... А то не похож ты, Генри Киссен, на американского Супермена».

Глава 10

В аэропорту Милана комиссию встречал директор Дома дружбы Борис Ильич Шляпнер.

– У меня есть кое-какие догадки по поводу убийства, – сразу после приветствия сообщил он, стараясь скрыть свой страх.

Пока Борис Ильич ждал самолёт, в голове у него появились невесёлые мысли. Он подумал, что, скорее всего, именно на этом красивом лайнере через пару дней его увезут из солнечной Италии в Москву, а потом уже поездом отправят дальше. И хорошо, если без конвоя.

– Что-то конкретное или так, фантазии на заданную те-

му? – машинально спросил Судохватов.

– Я думаю, что к убийству причастен новый переводчик Дмитрий Меньшиков, – почти шёпотом произнёс Борис Ильич. – Я его уже отправил под домашний арест.

– Есть какие-то реальные факты? Доказательства?

– Нет. Пока нет, – опять шёпотом ответил директор и зачем-то оглянулся. – Но я уверен, что если...

– Разберёмся, – прервал его Брахмин. – У нас на сегодня назначены встречи, так что пока не до ваших бредовых расследований.

После таких резких слов Борис Ильич окончательно сник. «Кажется, моя идея сделать стрелочником переводчика не пройдёт, – подумал он. – Они совсем им не заинтересовались. Потому что, скорее всего, решили этим стрелочником сделать меня...»

Брахмин не думал про стрелочников. На самом деле его не сильно интересовало, кто убил Альде Морьячи и, тем более, жену писателя. Всё это уже не имело значения. Со смертью итальянского политика ситуация изменилась и теперь необходимо исходить из того, что есть на сегодня. Он привык отвечать за свой участок работы. Его задача – провести неформальные переговоры с Генри Киссенем. Для этого необходимо знать расстановку сил на сегодня, а не вспоминать, что было вчера.

К этим переговорам он готовился два месяца. Конечно, если бы ничего не случилось и Морьячи был жив, позиция СССР была бы сильнее. Но вчерашний день не вернёшь.

Он почти наизусть помнил отчёты всех главных советских ведомств от Госплана до Министерства обороны. Данные о количестве выпускаемых в Советском Союзе танков, ракет, тракторов и женских туфель были для него как фигуры на шахматной доске.

Одна проблема – на бумаге все цифры выглядели впечатляюще. Но по другим докладам выходило, что до пятидесяти процентов выпускаемых товаров можно было сразу отправлять на свалку. Особенно это касалось гражданской продукции. Телевизоры ломались через пару дней после покупки. Автомобили приходилось дорабатывать в гаражах напильником и молотком. Выпускаемая одежда была таких ужасных моделей и расцветок, что даже в московских магазинах выбрать было нечего. Знал Владлен и про то, что по субботам в Москву из соседних областей едут «колбасные электрички». Жители Рязани, Ярославля и Калинина жертвуют своим выходным днём, чтобы хоть как-то разнообразить свой рацион.

Владлен был сосредоточен, как боксёр перед выходом на ринг. По взаимной договоренности они должны были встретиться сегодня в старой миланской крепости. Когда Владлен подтверждал место встречи, он учёл даже то, что эта крепость напоминает Московский Кремль. Крепостные стены и башни в Москве и Милане строили одни и те же итальянские

архитекторы. Вроде мелочь, но если нельзя встретиться дома, где и родные стены помогают, то пусть встреча пройдёт хотя бы там, где стены очень похожи на главные стены Советского Союза.

Итогом этих переговоров должно быть лишь устное соглашение. Потом на его основе правительственные группы будут готовить проекты договоров для встречи американского президента и советского генерального секретаря. Путь долгий, но начинается он здесь. С этой, казалось, простой беседы двух людей.

Самым трудным для Владлена было выбрать стратегию поведения на эту встречу. Он решил, что будет лучше выслушать Генри Киссена. Дать возможность ему выговориться и максимально раскрыть свои планы. После этого можно будет принимать решение: отступить, нападать или уходить в глухую оборону.

Генри Киссен тоже готовился. Только тактику он выбрал совсем другую. «Если у тебя на руках паршивая карта, то спасти может только блеф. Блеф и наглость. Спасение в атаке». Он хорошо знал слабые места СССР и хотел ударить именно по ним.

День был солнечный, и вокруг гуляли туристы. Но и у Киссена, и у Брахмина было ощущение, что они абсолютно одни в этой крепости. Генри рассказывал о замке:

– Десятки городов-княжеств: Венеция, Генуя, Флоренция, Милан, Неаполь. Десятки самодуров-правителей, которые устраивают бесконечные войны из-за разных пустяков. Итог – народ нищий, сами правители нищие... Согласитесь: хозяин должен быть один. От многочисленных и гордых князей-феодалов одни беды.

Брахмин молчал. Замок и крепостные стены его разочаровали. Московский Кремль был несравненно величественнее. И сам Генри Киссен показался ему слишком болтливым, слишком весёлым и слишком толстым для того, чтобы быть серьёзным противником. В замке смотреть было нечего, и они из крепости вышли в прилегающий парк Семпионе, где в тени деревьев было не так жарко.

– Поэтому Наполеон и захватил Италию без всякого труда, – продолжил Генри.

Брахмин не мог понять, к чему клонит американец, и, чувствуя, что исторический экскурс тот начал не просто так, продолжал внимательно слушать.

– После этого Наполеон хотел договориться о сотрудничестве с вашим императором. С Александром. Договорился. Но царь не выполнил договор. «Властитель слабый и лукавый, Плешивый щеголь, враг труда, Нечаянно пригретый славой, Над нами царствовал тогда...» Так, кажется, у Пушкина? Слабый и лукавый Александр втянул Россию в ненужную войну. Москва сгорела. Погибли сотни тысяч людей. Получается, что даже плохое сотрудничество лучше хоро-

шей войны.

От крепости через парк расходились ровные аллеи, и скоро туристов стало меньше. Они шли вдоль канала. Под деревьями рядом с водой было не так жарко.

– Но и у Наполеона ничего толкового не получилось, – напомнил Брахмин.

– А вы знаете почему? – спросил Генри.

– Наверное, причина была не одна, – вежливо ответил Владлен, понимая, что вопрос был подготовкой к чему-то более важному, чем все эти исторические детали.

– Короля делает свита. Пока у Наполеона были молодые энергичные соратники, всё шло замечательно. Но потом те, с кем он начинал, постарели, разбогатели, омещанились... Без своей элиты он был обречён.

– А может, он был обречён потому, что русские оказались сильнее французов?

– Думаете, сила в лишней сотне тысяч солдат? Нет. Британия захватывала огромные государства силами одного батальона. Потому что сила страны в её элите. А у вас сейчас с этим большая проблема, – Генри наконец перешёл к главному. – Хотите, я вам об этом кое-что расскажу?

– Конечно. Вас очень интересно слушать, – Владлен понял, что начинается та часть встречи, ради которой она и организована.

– Только вы уж потом не обижайтесь, – улыбнувшись, попросил Генри и потряс указательным пальцем, – а я за это

вам открою один секрет.

– Надеюсь, вас за это не накажут.

– Секрет состоит в том, что Советский Союз обречён. И точно по тем же самым причинам, по которым была обречена наполеоновская Франция.

Произнеся эту давно подготовленную фразу, Генри Киссен решил посмотреть на собеседника, чтобы оценить его реакцию на сказанное. Он даже не заметил, что Брахмин чуть отстал, а обернувшись, Генри чуть не ахнул от неожиданности: его собеседник сидел на корточках и наблюдал за белоснежным лебедем, грациозно скользящим по каналу. Владлен поднял голову и, увидев опешившего Генри, сразу встал.

– Извините, залюбовался. Чудо, а не птица. Когда-то мне очень нравилась сказка про Гадкого утёнка. Хороший стимул для борьбы, – Брахмин ещё раз с восторгом посмотрел на лебедя и вроде как с неохотой двинулся дальше. – Вы сказали, что СССР обречён, – как о чём-то несущественном вспомнил он. – Нам это говорят много лет. Может, поясните?

– Постараюсь, – Генри понял, что пропустил неплохой удар и заставил себя собраться. – СССР обречён, потому что советской элиты не существует.

– Неужели?

– Да. Именно так. Когда вы в 1917 году пришли к власти, то первым делом уничтожили всю старую аристократию и интеллигенцию. В лучшем случае вы её выставили из страны, в худшем... Потом гражданская война. С обеих сторон

погибли лучшие. Ну и Вторая мировая. Это был уже удар не по элите, а вообще по русскому генофонду, – он остановился и повернулся к Владлену, который чуть отстав, в задумчивости шёл вдоль канала. – После таких потерь империи долго не живут. И уж точно не претендуют на мировое лидерство.

– А с чего вы взяли, что у нас нет элиты?

– Вы про кого? Про прикормленных вами писателей, режиссёров, артистов и художников? Про спортсменов? То, что вы стараетесь у себя создать – это не новая элита. Это элита на зарплате. Она продаст страну при первой возможности и убежит к нам. Для этих людей Родина там, где больше платят. Вы и сейчас с трудом ловите перебежчиков, а дальше будет хуже.

Спорить с этим Владлен не стал. Генри Киссен был прав.

– Но отсутствие элиты, это только первая часть вашей проблемы. Вторая, более страшная часть, в том, что вы потеряли лучший генофонд. Сколько? Двадцать? Тридцать миллионов мужчин погибли на той войне в расцвете сил? Вы даже посчитать до сих пор не можете. Скоро в СССР будет невозможно найти необходимое для развития количество квалифицированных специалистов.

– Потеря огромная, – признал Брахмин и сразу сделал ответный ход: – Но что касается генофонда... После войны мы сделали бомбу. И наш советский человек первым поднялся в космос, а не ваш. Хотя все пряники от той страшной войны достались вам.

– Все ваши достижения – это заслуга энтузиастов. Именно они двигают вашу страну вперёд. Сколько их осталось? И с каждым днём всё меньше. Люди устали каждый день совершать подвиги. Их всё больше окутывает обаяние Запада, нежное обаяние хорошей жизни. Произойдёт то же самое, что с наполеоновской элитой. Её победит канарейка в клетке и герань на подоконнике. Быт и уют. Ваши лозунги больше не действуют. А с развитием технологий газета «Правда» не сможет оставаться единственным источником знаний о том, как устроен мир. Люди увидят, что здесь, на Западе, уровень жизни гораздо выше, чем у вас. Вот тогда будет поздно что-то делать. Вы не хотите этого видеть. Вместо действий – пустая болтовня. Много трескучих слов о патриотизме и величии народа. Но это уже не работает. Вот что я скажу: не обижайтесь – вам надо чаще смотреться в зеркало, а не считать весь мир врагами и идиотами.

– Вы предлагаете сдать? – улыбнулся Брахмин.

– Нет, не сдать. Но без сотрудничества с нами вам не выжить. Вы же не хотите, чтобы Москва опять сгорела?

Генри Киссен очень точно вывел разговор к самой важной его части. Если сейчас он сможет склонить своего собеседника пойти хотя бы на незначительные компромиссы, то через некоторое время Советскому Союзу придётся пойти дальше. «Коготок увяз – всей птичке пропасть». Он хорошо знал Толстого и не один раз читал «Власть тьмы», поэтому не сомневался – если ты встал не на тот путь, то обратной

дороги уже нет.

– О каком сотрудничестве вы говорите? Пока я не слышал от вас никаких предложений.

– Хотите предложений? Пожалуйста.

Мимо них прошла очаровательная девушка в короткой юбке. Генри замолчал, делая вид, что провожает её взглядом. На самом деле он думал, стоит ли открывать все карты. У него не было таких полномочий, но он рискнул.

– Так сложилось, что разные регионы на планете развивались неравномерно. Причин, почему так произошло, очень много. Но сейчас это уже не важно. Важно то, что сейчас разные страны находятся в разных экономических условиях. Где-то работают ядерные реакторы, а где-то отапливают дома, сжигая в глиняных печках сушёный навоз. Исходя из этого и надо планировать мировое сотрудничество. Точнее, вводить региональное разделение обязанностей.

– Интересно. Но опять без конкретики.

– Хотите детали? – Генри сцепил руки за спиной и стал похож на профессора, который пытается донести не самым сообразительным студентам тему лекции. – Вы же не будете спорить с тем, что здесь, в Европе, человечество, человеческая цивилизация развивалась успешнее, чем где-либо ещё? Первые университеты, суды, законотворчество, выборы чиновников и прочие атрибуты демократии появились именно здесь. Европейская наука и культура всегда были образцом для подражания. В том числе и для России. Европейцы

в своём развитии обогнали всех остальных не на одно столетие. Здесь менять ничего не стоит. Европа должна оставаться такой как есть. Витриной для всего человечества. Чтобы людям было на что равняться и к чему стремиться. Вы согласны?

– С этим трудно спорить, – ответил Владлен. – Но чтобы была витрина, кто-то должен её содержать.

– Об этом дальше. Возьмём Азию с её традиционными диктатурами и с трудолюбивым населением, которое не приучено задавать лишних вопросов, организовывать профсоюзы и устраивать забастовки. Лучше места для всемирной фабрики не найти. Производство ширпотреба на конвейере – дело не сложное. Требуется лишь исполнительности и терпения. Это всё можно организовать в Китае, Корее или Индии.

– А какое место вы отвели СССР? – с любопытством спросил Владлен.

– Ваша страна богата ресурсами, а населения мало. Роль нефти и газа будет только расти. Их запасы ограничены. Очевидно, что вам предначертано стать сырьевой энергетической державой. Идеальный вариант, особенно если учитывать почти невозполнимые людские потери, о которых я вам только что говорил.

– А США?

– Мы можем взять на себя много функций. Наука, технологии. Но главная – это быть мировым арбитром

– Точнее, мировым жандармом.

– Ну, можно и так сказать, – согласился Генри. – Даже в маленькой деревне нужен шериф. Тем более он необходим для большого и очень разного мира.

– Хорошо. А другие регионы?

– Другие? – пожал плечами американец. – Вы про Африку?

– Про Африку и остальные регионы.

– К сожалению, многие страны сильно отстали в своём развитии и это уже окончательно. Навсегда. Подтянуть их до нашего уровня не получится. Пока мы будем подтягивать, наши страны уйдут ещё дальше, – он замылся, не находя подходящих слов. – Им лучше создать свой собственный мир. Свою лигу третьего мира. Со своими правилами.

– То есть, если говорить проще, вы, точнее, те, кто за вами прячется, планирует Европу сделать завлекательной морковкой на палочке, США жандармом-надзирателем, а остальной мир должен всё это содержать своими ресурсами и рабским трудом? Ну, или просто сгинуть? Попахивает нацизмом.

– Только не надо ярлыков! – взорвался Генри. – Все эти «измы» – удел пропагандистов. На ферме есть фермер, есть сторожевые псы и есть овцы с коровами. У всех в этом мире свои задачи и обязанности. Зачем лицемерить?..

– А если мы не согласимся с таким распределением? – прервал его Владлен.

– Тогда война, – очень быстро и буднично ответил Генри. – Но война будет уже не такой как та, что недавно закон-

чилась. Время танковых прорывов прошло, а ядерная война похоронит и нас, и вас.

– И этого нельзя избежать?

– Если каким-то чудом апокалипсис не случится, то начнётся война за сердца и души людей. И в ней мы победим.

– Откуда такая уверенность? – спросил Владлен. – Пока вы явно проигрываете.

– Сейчас ещё много людей по всему миру верит вам. Верит в вашу идею. В равенство, братство, в справедливость и коммунизм. Вами восхищаются, как победителями в войне. Но идеями сыт не будешь. Для ваших идей нужен новый человек. Человек общественный. Гомо советикус. Но с ним у вас ничего не вышло. И это перечеркивает все ваши планы. Люди по-прежнему выше всего ценят хорошую еду и удобные вещи. Ценят свою семью, а не общество в целом. Им нравится покой и домашний уют, а не комсомольские стройки где-то в Сибири, – Генри подошёл к сосне, на которой висела кормушка для белок. Несколько рыжих зверьков выбирали орешки, заботливо выложенные специально для них. – А в создании благ для человека мы вас опередили. Как только вы сделаете ошибку, влезете в какую-нибудь ненужную войну, мы включим все свои ресурсы, чтобы выставить вас жутким кровавым монстром. Мы вас расчеловечим. Это несложно. И тогда ни один человек не сможет выступить в вашу защиту. Вы будете жить в изоляции, как живут изгои в чумном бараке. А потом ваш народ сам вздрёт вас на сте-

нах Московского Кремля.

Парк закончился. Они вышли к Арке Мира, построенной по приказу Наполеона, и остановились под ней.

– А что будет, если мы согласимся? – спросил Владлен, – если станем сырьевым придатком?

– Ну что вы опять с ярлыками? – поморщился Генри Киссен. – Вы же умный человек. Я открою вам ещё один секрет. Только я немного устал. Присяду, с вашего позволения.

Он подошёл к ближайшей скамейке и тяжело опустился. Лицо у него покраснело, он тяжело дышал, делая паузы между словами. Брахмин не стал садиться и встал рядом.

– То, о чём мы сейчас говорим, это лишь часть того, что необходимо сделать. Первая часть.

– Мы с вами ещё не договорились, а вы уже планируете что-то ещё.

– Договоримся мы с вами или нет... Некоторые вещи произойдут в любом случае. Хотим мы этого или не хотим. Таковы законы этого мира, – произнёс Генри и несколько раз глубоко вздохнул. – Вы присядьте. Не стойте над душой.

Брахмин провёл рукой по деревянной скамейке, посмотрел на свои пальцы и сел рядом.

– И те же самые законы, без всяких сомнений, подтверждают, что, если сохранится рост численности населения, – продолжил Генри, – сохранится и рост потребления. Совсем скоро ресурсы планеты не выдержат. Через тридцать лет эти процессы станут необратимы и тогда нас всех уже не спасти.

Мы потеряем планету без ядерной войны.

– И что же делать?

Американец несколько раз глубоко вздохнул и, побрятев, повернулся к Владлену и посмотрел ему в глаза.

– Нам придется стать богами, – он сделал большую паузу, ещё раз вдохнул и добавил: – Для спасения планеты нам придется устроить ещё один Всемирный потоп.

– Вы просили не использовать ярлыков, но как, по-вашему, это можно назвать, если не геноцидом?

– Спасением. Это можно и нужно назвать «спасением человечества». Вы хотите, чтобы вашим детям и внукам планета досталась такой, какой она является сейчас? Тогда надо думать не о том, как обустроить Африку для африканцев, а о том, сколько людей должно остаться во всём мире. Это главный приоритет. Единственное, что нам мешает создать новый мир, это полуфеодальные государства со своими князьями. А хозяин должен быть один. Поэтому я и предлагаю вам сотрудничество. Лично вам, – подчеркнул Генри. – Миром должны управлять такие как мы, а не свора глупых и жадных диктаторов.

Генри заметил, как изменился Владлен, когда речь пошла о новых возможностях лично для него.

«Надо присмотреться к этому парню, – подумал он. – Не такой уж он и «крепкий орешек», как написано в докладах наших спецслужб. Скорее всего, есть и у него ниточки, за которые можно подёргать».

– Выбор простой. Вы можете быть в числе избранных и вместе с нами пасти народы мира, или раствориться в стаде тех безвольных народов, которым уготовано неизбежное исчезновение, – Генри встал и протянул руку. – Давайте на сегодня закончим. Я устал. Через пару дней жду от вас ответ. Скажу вам по секрету: два месяца назад я был в Пекине. Китайцы с огромной радостью приняли моё предложение сделать из их страны мировую фабрику... И согласились серьёзно ограничить рождаемость.

Глава 11

Для подготовки теоретической базы, обосновывающей действия мировой элиты в семидесятых годах двадцатого века, был сформирован Римский клуб. РК – международная общественная организация (аналитический центр), созданная итальянским промышленником Аурелио Печчеи и британским учёным Александром Кингом.

С советской стороны в создании Римского клуба активное участие принимал Джермен Михайлович Гвишиани – советский философ, социолог, специалист в области управления. Сын генерала НКВД М.М. Гвишиани и зять А.Н. Косыгина – Председателя Совета министров СССР (1964 -1980).

Будучи созданным как научная организация для изучения глобальных проблем, Римский клуб стал структурой, служащей политическим силам, пытающимся навязать человечеству новый мировой порядок.

Римский клуб положил начало исследовательским работам по проблемам, названным «Глобальной проблематикой». Для ответа на поставленные клубом вопросы, ряд учёных создали серию «Докладов Римскому клубу» под общим названием «Трудности человечества». Прогнозы составлялись по компьютерным моделям. Полученные результаты обсуждались во всём мире.

Из доклада Римского клуба «Пределы роста», 1972 год:

«Главное препятствие на пути к более справедливому распределению мировых ресурсов – растущая численность населения. По мере того, как увеличивается число людей, среди которых должен распределяться фиксированный объём ресурса, увеличивается и неравенство в его распределении. Равное распределение становится самоубийством для общества в тот момент, когда средняя величина, приходящаяся на человека, становится недостаточной для поддержания жизни.

...Как только общество осознает, что оно не может делать всё для всех, ему придётся делать выбор: следует ли иметь больше людей или больше богатства, больше дикой природы или больше автомобилей, больше пиццы для бедных или больше услуг для богатых.

...Если не предпринимать никаких мер для решения этих проблем, то это неизбежно приведёт к краху всей системы. Если общество дождётся, когда эти проблемы станут явными, будет уже поздно принимать какие-либо меры...»

Вместо поиска вариантов гармоничного и справедливо-го экономического, политического и социального развития планеты, Римский клуб занялся изданием псевдонаучных докладов преследующую главную цель, поставленную его спонсорами: обосновать необходимость сокращения населения и экономического развития в слабо развитых регионах.

Естественно, выводы Римского клуба не касались США и стран НАТО, а распространялись лишь на так называемые развивающиеся страны Африки, Азии и Латинской Америки.

В двадцать первом веке идеи Римского клуба получили развитие в работах ставленников Генри Киссинджера Клауса Шваба «Четвертая промышленная революция», Жака Аттали «Краткая история будущего» и других ангажированных деятелей глобализма. Идеи смешивания и унификации народов, с превращением людей в однородную массу под управлением никем не выбранного мирового правительства.

Глава 12

Если накануне больших дел Павел Иванович Судохватов просыпался с хорошим аппетитом, то считал это добрым знаком. Он был уверен, что и ночью голова продолжает свою работу, а если утром есть аппетит, значит работа сделана хорошо.

Судохватов, в отличии от Владлена, не продумывал все

детали своих планов. Не потому, что не умел или не хотел, а потому, что знал, что на деле всё происходит не так, как планируется заранее. Всё учесть невозможно. Чтобы принять правильное решение, необходимо находиться в гуще событий, видеть и контролировать изменение ситуации, смотреть в лица людей и быстро вносить коррективы.

После того, что он пережил на фронте и в плену, после Победы, которая зимой 1941 казалось невозможной, Павел Иванович поверил, что в каждом большом деле непременно присутствует что-то необъяснимое, что нельзя понять и оценить человеческим сознанием. То, для чего и определения толкового нет. Он никогда не пытался разобраться в своём чувстве, но, безусловно, доверял ему, называя то «врождённым знанием», то «советом бога». Судохватов никому не рассказывал об этом. Да и какой смысл – никто бы его не понял. Научиться слушать свои чувства человек может только сам, не надеясь найти готовые рецепты в умных книжках.

С хорошим настроением Павел Иванович спустился на первый этаж Дома дружбы, где можно было позавтракать. Никто не запрещал ходить в уличные кафе, но там пришлось бы тратить лиры, а их в командировку выписывали мало. Он быстро поставил на поднос тарелку с омлетом, чашку чая, взял апельсин и подсел к Брахмину, который пил кофе за столиком у окна.

– Вчера гулял по городу, везде брусчатка, – вместо приветствия весело произнёс Судохватов. – Значит не пуганные

ещё. Брусчатка – лучшее оружие рабочего класса, – усмехнулся он. – Ну ничего... Скоро они это узнают.

Брахмин ничего не знал о планах Павла Ивановича, но понимал, что старичок может испортить ему всю игру.

– Вчера зашёл в детский магазин купить внуку подарок, – продолжал делиться новостями Судохватов. – Только одних Буратино штук двадцать и все разные. У меня в детстве одна игрушка была – ивовый прутик, чтобы овец пасти.

– А дудочка была? – явно с насмешкой бросил Владлен и поставил чашку на стол. – Обычно пастухи с дудочкой ходят.

– Нет, не было, – невозмутимо ответил Павел Иванович и, заметив, что его собеседник собирается уходить, быстро добавил: – Посиди минутку со мной. Я тебе кое-что хотел рассказать

– Про овец? – раздраженно спросил Брахмин, догадываясь о теме разговора. Он знал, что такие люди свою точку зрения не меняют. А выслушивать всё ещё раз ему не хотелось. – Может, за обедом расскажете? Пока не жарко хотел пройтись по городу, – он обреченно посмотрел в окно, понимая, что Судохватов не отстанет.

– Я слышал, ты вчера встречался с Генри Киссеном, – Павел Иванович перешёл сразу к делу, – и догадываюсь, о чём он тебе говорил.

Желание побыстрее избавиться от назойливого собеседника у Владлена мгновенно прошло.

– О чём же таком вы догадываетесь? – стараясь придать

своему голосу невозмутимость, сдержанно поинтересовался Брахмин. Он был уверен, что о его встрече будут знать только те, кому положено. А этот старый партизан, по его мнению, в их число не входил.

– Думаю, что он тебе предложил Родину продать, – Павел Иванович произнёс это так громко, что пару человек в столовой оглянулось, а сам же он тем временем спокойно начал чистить апельсин.

Брахмин не мог понять, шутит тот или нет. И что он вообще может знать о том разговоре?

– А сколько денег мне за это предложили, не знаете? – разозлился он. – Кажется, я самое важное пропустил.

– Ты, Владлен, не обижайся, но ничего другого он тебе предложить не мог. Твой Генри Киссен прекрасно знает, что все козыри сейчас у нас, и что в открытом противостоянии нас победить невозможно, поэтому их единственный шанс – взорвать нашу страну изнутри. А для этого нужны предатели. Вот они и вербуют всех подряд. Ну, и ты не исключение.

Судохватов дочистил апельсин, разделил его на две половинки и одну протянул Владлену. Тот отрицательно покачал головой. Павел Иванович отломил дольку и целиком положил в рот. Потом отломил ещё одну и, держа её двумя пальцами, продолжил:

– Чтобы потом не плакать, не жаловаться, что тебя партнёры обманули, напомним – дружбы между странами не существует. Не может существовать. Страна стране всегда враг.

Поэтому мы должны уничтожить их первыми. Будешь бояться драки – будет новое 22 июня.

– Если мы их уничтожим, то как же игрушки, как же Буратино? – попытавшись улыбнуться, спросил Владлен.

– Будем сами строгать, – серьёзно ответил Судохватов.

Брахмин, может быть, первый раз в жизни не знал, что ему делать дальше. Появившиеся у него после встречи с Генри Киссеном планы ещё не сформировались в твёрдое окончательное решение. Очень много информации и очень мало времени на её обработку. Посоветоваться не с кем, а одному определять будущее страны – огромная ответственность. К тому же, раз за разом разбирая ситуацию, Владлен вспоминал о словах американца о совместном управлении миром. Он пытался их забыть, но они возвращались к нему вместе с приятными фантазиями.

– У меня есть приказ проработать все варианты, – резко ответил он Судохватову. – Приказ с самого верха.

– Уж не от Леонида Ильича? – с иронией спросил партизан. – Лёня, конечно, мужик боевой, но командует не он, а те ребята, которые его генсеком сделали. А кто их настоящий хозяин, мы с тобой не знаем.

Чтобы приступить к выполнению своих планов, Павел Иванович взял с собой переводчика. Директор сильно не возражал и будто бы забыл, что отправил Дмитрия под до-

машинный арест.

– То, что ты сегодня услышишь – секретная информация, – объяснил Диме Судохватов, когда они вышли на залитую солнцем улицу. – Надеюсь, тебе не надо ничего напоминать: объяснили перед отправкой.

– Да, конечно, – кивнул Дмитрий, – инструктировали неоднократно. Да я и ни с кем не общаюсь. Если только со своими.

– Вот этих «своих» и надо остерегаться больше всех.

Павел Иванович решил пойти на встречу пешком, потому что считал, что так будет проще заметить слежку, если такая будет. Пройдя пару кварталов, они спустились в метро и сели в поезд, едущий по той же ветке, по которой Дмитрий провожал Софию.

Вышли на конечной. Дмитрию эта станция была знакома. Сейчас их на улице встречал парень на стареньком «Фиате». До нужного места добрались быстро: уже через десять минут они въехали на территорию какого-то завода. Там их ждали. Большая толпа окружила гостей, непрерывно аплодируя. Дмитрию тут же пришло на ум, что, наверное, так встречают звёзд кино и эстрады.

Через ангар их провели в зал, где за длинным столом расселись делегаты почти всех европейских рабочих партий. Многих из них Судохватов знал лично, а некоторых молодых и длинноволосых видел первый раз. Но надеялся он именно на молодых ребят, а не на старых знакомых, которым пере-

мены были не нужны.

Павел Иванович очень коротко и эмоционально изложил свой план. Он предложил начать в Италии всеобщую забастовку, которую сразу же распространить на все европейские страны. Забастовка должна стать жёсткой и бессрочной. Цель – крах европейской экономики. Для этого, по его словам, необходимо прервать автомобильное, железнодорожное, авиационное сообщение, перекрыть дороги, блокировать аэропорты, вокзалы. Строить баррикады, чтобы не допустить к важным объектам военных и штрейкбрехеров. Когда Европа будет остановлена, захватить или хотя бы блокировать органы власти, полиции и военные штабы. После этого объявить ультиматум, в котором будет предложено незамедлительно начать глобальные социальные реформы и осуществить вывод из Европы оккупационных войск США.

– Весь мой план расписан чуть ли не поминутно. Как только я получу ваше предварительное согласие, я его вам предоставлю, – решительно произнёс Павел Иванович. – Но главное не в деталях, а в нашей решимости пойти до конца. Без этого нет смысла начинать. Сейчас или никогда.

– Сколько времени вы даёте на подготовку? – спросил парень в чёрной майке с красной звездой на груди.

– Нисколько, – резко ответил Судохватов, – начинать надо немедленно. Есть информация, что некоторые из вас давно работают на обе стороны, и это значит, что через несколько часов информация об этой встрече будет в полиции. Чтобы

нам помешать, им нужно время. Победит тот, кто будет решительнее и быстрее. Если сегодня примем решение, начнём завтра.

– А деньги? Нужны деньги. Много денег. Где их взять? – обратился с вопросом пожилой француз, сидевший рядом.

– Деньги на это уже здесь, в Италии.

Павел Иванович блефовал. Так как о своём плане он никому не рассказывал, то и о деньгах он ни с кем не говорил. Но сейчас ему было важно получить согласие от собравшихся людей. Когда всё закрутится, отступить будет некуда не только ему, но и им. И советским партийным чиновникам тоже. Так что деньги будут.

– Я предлагаю голосовать, – сказал он. – Думаю, вы понимаете, что информация о нашей встрече, скорее всего, уже отправлена всем властным структурам. Время-не-ждёт. Фактически революция уже началась. Или они нас, или мы их.

Голосование прошло успешно. Только три человека воздержалось. Проголосовать против не решился никто.

Возвращались в Дом дружбы Павел Иванович с Дмитрием так же, как приехали. Всю дорогу молчали. Судохватов думал о том, что необходимо сделать за оставшееся время, а Дима о том, что будет с ним, что будет с Софией.

«Зачем этот бойкий старичок призывает начать в такой

красивой стране гражданскую войну? – не понимал молодой человек. – Ведь погибнут люди...»

Когда до Дома дружбы осталось пройти метров сто, они остановились перед витриной магазина игрушек. Павел Иванович накануне так и не выбрал подарок для внука и сейчас вспомнил об этом. Всё, что находилось за стеклом, казалось волшебной сказочной декорацией. Он стал с интересом рассматривать яркие машинки и самолёты, кукол, клоунов и зверюшек. В центральной части витрины была выставлена действующая детская железная дорога, по которой ездил маленький паровоз, виртуозно петляя на виражах, преодолевая попадающие на его пути тоннели и мосты и проезжая мимо кукольных домиков. Этот паровозик напомнил старому партизану его детские мечты. Тогда он хотел стать машинистом и работать на таком вот паровозе.

Дима заметил, как подобрело лицо Судохватова, поэтому отважился задать вопрос:

– Если эта забастовка приведёт к гражданской войне в Европе, то, наверное, людям станет только хуже? Не будет работы, не будет еды. Некоторые даже погибнут.

Павел Иванович даже не сразу понял, о чём спрашивает этот парень. У него самого не было никаких сомнений в правильности своих действий.

– Совсем недавно эти милые добрые европейцы думали, как проще и надёжнее уничтожить нашу страну. Как легче

убивать нас с тобой. Тогда, тридцать лет назад, у них не получилось... Но люди не меняются. Сейчас эти улыбочивые граждане готовы попробовать ещё раз. Может быть, другими методами. Я солдат. Мне наплевать на Италию. Если понадобится столкнуть лбами в кровавой войне всех европейцев, я ни на секунду не задумаюсь. Мне главное, чтобы в моей деревне на Оке под Рязанью люди жили счастливо и спокойно. Ради этого я здесь. А ты, если не дурак, должен сам всё это понимать.

Судохватов оставил Диму у витрины и пошёл дальше.

Если бы всё было так просто... Павел Иванович прекрасно понимал, что шансы довести дело до конца ничтожно малы. Как только запахнет жареным, из Москвы начнут звонить, требуя остановить протесты. Когда предают генералы, не важно, как бьётся солдат на линии огня. Но это не снимало ответственности с него лично. Свою работу он обязан сделать, несмотря на то, что в его голове всё чаще и чаще появлялись грустные мысли:

«Если во власти твоей страны предателей и бестолковых мерзавцев больше, чем тех, для кого страна дороже всего, то твоя ли эта страна?»

Глава 13

«Если ты не дурак, должен сам всё понимать, – вспомнил Дмитрий слова Павла Ивановича. – Что я должен понимать?..»

Как только он вернулся в Дом дружбы, его опять без всяких объяснений заперли в комнате.

Дмитрий, не раздеваясь, завалился на кровать и у него в голове сразу закрутились невесёлые мысли. Если это домашний арест, то почему ему разрешили пойти с Судохватовым на такую ответственную встречу? Нелогично. Да и должны же ему, наконец, сказать, в чём его обвиняют.

В детском доме на Васильевском острове, где он провёл всё своё детство, порядка было больше, чем здесь. Директор Захар Лазаревич, был для воспитанников представителем бога на земле. И не только для них. Его побаивались и уважали все: от маленьких нарушителей дисциплины до заведующей учебной частью, которая вынесла на себе под обстрелами с поля боя десятки раненых солдат.

Есть в некоторых людях нечто такое, что заставляет беспрекословно и даже с удовольствием выполнять их распоряжения. Захар Лазаревич был именно таким. Если у тебя внутри этого нет, то сколько не тужься, сколько не морщи лоб, делая суровое лицо, сколько не сыпь грозными рублеными фразами, никто тебя серьёзно воспринимать не будет. И тем более уважать.

Дмитрий провёл в Доме дружбы всего несколько дней, но уже понял, что здесь такого человека не было. Поэтому каждый тянул одеяло на себя. В результате бардак.

Но не это его сейчас волновало больше всего. Как ни пытался он не думать о Софии, ничего не получалось. «Где она

сейчас? С кем? Что делает?» Дима не мог и сам понять, чего сейчас больше в его чувствах – любви или ревности.

«Ничего хорошего из таких отношений получиться не может, – обреченно твердил себе Дмитрий. – Даже если бы она была свободной, её семья вряд ли обрадовалась бы знакомству со мной. К тому же в любой момент меня могут отправить из Италии обратно в Советский Союз...»

Он повернулся на бок, надеясь заснуть. Не получилось. Как только закрыл глаза, мыслей стало ещё больше.

Вдруг он услышал глухой стук: что-то ударилось в стекло, потом ещё раз. Дима встал и подошёл к окну. Отодвинув тяжёлые шторы, увидел внизу Софию. Она подбирала шишки, упавшие с невысокой разлапистой сосны, и бросала их, пыталась попасть в его окно на втором этаже.

Он быстро открыл две задвижки и распахнул узкую створку.

– Я соскучилась, – негромко произнесла София. – Сможешь выбраться?

Его комната находилась на втором этаже, до земли было метров шесть. Чуть ниже окна проходил широкий карниз. Дмитрий вылез, встал на него и осторожно прошёл до водосточной трубы. Цепляясь за неё пальцами, спустился на землю. Девушка внизу попыталась ему помочь, и из-за этого он сразу упал к ней в объятия. Первым желанием было прижать Софию к себе, но он вспомнил, что здесь лучше не задерживаться. Дима взял её за руку и потащил подальше от здания.

Только свернув за угол, в каком-то переулке, уже не в силах сдерживаться, он обнял её и попробовал поцеловать.

– Охранник мне сказал, что тебя арестовали. Это правда? За что? – мягко пытаюсь выскользнуть из объятий, взволнованно спросила девушка.

– Правда. Но за что, я и сам не знаю, – ответил Дмитрий, не выпуская Софию и пытаюсь губами поймать её губы.

– Это не опасно? Что теперь тебе будет?

– Не знаю, – честно сказал Дмитрий и наконец-то догадался взять в ладони её лицо, чтобы она больше не могла увернуться. – Не хочу об этом думать.

Но поцеловать её так и не получилось. София вырвалась и отбежала на пару метров. Только сейчас Дима заметил, что она одета не как обычно. Сегодня на ней была очень короткая джинсовая юбка и длинная свободная разноцветная рубашка. Она с улыбкой смотрела на него, будто спрашивая: «Ну и как я тебе? Не очень вульгарно?»

– Я хотела сходить с тобой на одно мероприятие. А это, – София решила объяснить свой наряд и провела пальцами вдоль бедер, сделав балетный пируэт на одной ноге, – а это униформа для мероприятия. Ты согласен пойти?

– С тобой куда угодно!

– Тогда нам в метро.

Поезд в подземке был забит шумными, весёлыми ребятами с длинными волосами и в потёртых джинсах. От них пах-

ло алкоголем и некоторые курили прямо в вагоне. Все вышли на одной станции, где уже было и так не протолкнуться.

– Почему такое столпотворение? – любопытствовал Дмитрий, пытаясь удержать руку девушки и выбраться на улицу. – Может, уже расскажешь?

– Фестиваль песни, – было так шумно что София почти кричала. – Много итальянских певцов, но главное, это выступление Led Zepelin. Слышал о такой группе?

– Да. Немного. А как же мы туда попадём?

– У меня есть билеты, – София похлопала ладонью по холщовой сумке, которая висела у неё на плече.

Они наконец вышли из метро на площадь и сразу поняли, что даже с билетами пройти на велодром Вигорелли, на котором планировался концерт, будет непросто. Полиция пыталась организовать проход к нескольким воротам, но у неё это плохо получалось. С большим трудом только через час они попали вовнутрь.

Зрители кричали и что-то бросали на сцену, не давая выступать итальянским музыкантам: молодежь требовала выхода британской группы. Всё это мало походило на фестиваль песни. А когда освистали звезду итальянской эстрады Джанни Моранди, расстроенная София сказала, что надо уходить.

– Что они творят? – в изумлении крикнула она в ухо Дмитрию, показывая на обезумевших фанатов. – Они пришли не за музыкой. Это не люди, это бешеные животные. Бежим

отсюда пока нас не затоптали.

Выйти из велодрома было ещё сложнее, чем зайти. Народ всё прибывал и им приходилось проталкиваться через толпу двигающуюся к сцене. В этот момент на сцене появились те, кого ждали больше всего. После первых аккордов песни «Stairway to Heaven» поднялся такой грохот и визг, что казалось, трибуны сейчас рухнут. Но самое страшное творилось внизу у сцены: часть зрителей попыталась выскочить на сцену к своим кумирам, и полиция, чтобы их остановить, распылила слезоточивый газ...

То, что началось на велодроме после этого, Дима с Софией не увидели. Им удалось выскочить на улицу. Почти бегом они помчались по улице. Навстречу всё ещё шли желающие попасть на концерт или хотя бы послушать его снаружи.

Улица упиралась в железнодорожную станцию, на которой стоял пассажирский поезд. Не разбирая куда он идёт, ребята заскочили в последний вагон и в эту же минуту он двинулся дальше. София что-то узнала у пассажиров, подтолкнула Дмитрия к свободному сиденью и спросила:

– На нём мы можем доехать до Вероны. Ну это там, где Ромео и Джульетта. Поедем? Или выходим?

– А далеко ехать? – Дмитрий замаялся. Денег у него было совсем мало. – Что с билетами?

– Билеты надо было брать на вокзале. Сейчас уже позд-

но, – по горящим глазам Софии было видно, что это неожиданное приключение ей нравится. – Будем надеяться, что контролеров не будет. Ехать всего час.

– Тогда вперёд, – поддержал Дима её порыв.

По дороге они молчали. Возбуждение после побега с концерта прошло и каждый задумался о своём. Дмитрий смотрел в окно. Вдалеке начинались горы. Из-за солнца, собирающегося спрятаться за них на ночь, они казались бордовыми. На равнине перед ними аккуратными рядами протянулись фруктовые сады. Где-то яблони, где-то виноград, где-то сливы. Всё было возделано с любовью и старанием. Иногда среди садов появлялся жилой оазис: домик с красной черепичной крышей, окруженный остроконечными тополями. Кое-где появлялась пыльная дорога с такими же тополями вдоль обочины.

Дмитрию пришло в голову, что, наверное, он смог бы заниматься таким хозяйством. Лишь бы рядом была любимая женщина. Он взглянул на Софию. Она тоже смотрела в окно и о чём-то думала.

Ещё утром она решила, что к мужу больше не вернётся. Написала записку и оставила её на столе. София хотела собрать вещи и перевезти их к маме, которая жила неподалёку, но потом подумала, что мама сильно расстроится, будет её ругать, вспоминая старый договор, который когда-то её отец заключил со своим другом.

«Глупо потратить жизнь на выполнение чужих обещаний.

Всё, что скажет мама, я знаю. Выслушаю это потом, – решила она, – а сейчас надо самой разобраться с тем, что со мной происходит...»

В юности ей хотелось узнать, как люди понимают, что влюблены. «Например, когда человек простудился, он может засунуть под мышку градусник, посмотреть на него и через несколько минут сразу же определить, что болен. А где взять градусник для измерения любви?»

Ответ она нашла в тот вечер, когда они гуляли по крыше Миланского собора. Там София почувствовала: такой градусник есть у каждого человека. Он внутри. И когда он показывает, что ты влюблён, ошибиться невозможно. Только что теперь делать с этой любовью, она не знала. Поэтому и молилась тогда в храме, выпрашивая прощения и совета у Святой Марии:

«Здравствуй, Мария, преисполненная милости; Господь с тобой: Благословлена ты среди женщин и благословлен плод утробы твоей, Иисус. Святая Мария, мать Бога, молись за нас, грешников, сейчас и в час нашей смерти. Аминь...»

Им повезло: контролёры так и не появились, и они благополучно добрались до Вероны. От привокзальной площади расходились в стороны несколько узеньких улочек.

– Здесь в Вероне где-то есть гробница Джульетты, – вспомнила София. – Пойдём её искать? – с энтузиазмом предложила она.

– Вообще-то историю про этих влюбленных Шекспир выдумал. Так что эта страшная гробница, скорее всего, ненастоящая. Пойдем просто гулять по городу? – Дмитрий с интересом смотрел вокруг. – Здесь гораздо симпатичнее, чем в Милане.

– Верону американцы бомбили меньше, чем Милан. Поэтому здесь и симпатичнее, – расстроено ответила девушка. – В Ромео и Джульетту ты не веришь. В любовь, наверное, тоже?

Дмитрий не знал, что ответить. Он ещё в поезде понял, что в жизни Софии что-то изменилось. И чувствовал: его ответ очень важен для неё. Говорить что-то банальное ему не хотелось. Он не любил громких фраз. Ответить шуткой было бы глупо: девушка могла обидеться.

– Верю, – быстро произнёс Дмитрий и сильно потянул девушку за руку к себе. – Что, если ты будешь стоять на дороге, то тебя задавит машина, – Дима не обманул: огромный красный автобус промчался по тому месту, где только что стояла София. – Они у вас будто соревнуются в скорости, – добавил он и прижал Софию к себе. – Ты же сама чувствуешь, что с нами происходит. Зачем какие-то слова?

Вытянувшиеся по двум сторонам улицы двух-трёхэтажные домики, покрашенные во всевозможные оттенки жёлтого цвета, выглядели как игрушечные. Верхние этажи ещё были подсвечены солнцем, а внизу была прохлада и тень. Ближе

к центру всё чаще стали встречаться дворцы, католические храмы и остатки древней крепости. На главной площади они обошли вокруг хорошо сохранившегося древнеримского амфитеатра. Дима попытался представить, что когда-то здесь проходили гладиаторские бои, но ничего не получилось: перед глазами всплывала картинка с недавнего концерта. «Хлеба и зрелищ»: вспомнил он чей-то древний девиз управления страной.

«Люди мало изменились с тех времен, – подумал он. – И многим этого вполне хватает и сейчас».

Город оказался маленьким. Когда совсем стемнело, дома закончились и они вышли к реке. Вдоль берега росли густые ивовые кусты, через которые влюблённые попытались пробраться к воде. Из-за жаркого лета её в реке было немного и казалось, что по песчаным отмелям можно выйти на другой берег. Песок был твердым. Они дошли до мокрых, сверкающих под Луной камней. Дальше была вода. Река неслась в темноте мимо них с монотонным шумом. Там, где на её пути попадались большие серые глыбы, появлялись буруны и завихрения.

На противоположном берегу, до которого было уже совсем близко, в темноте можно было разглядеть контуры каких-то каменных стен и высокой квадратной башни.

– Рискнём? – лукаво улыбаясь, спросила София. – Люблю такие места.

– Забирайся ко мне на плечи, – согласился Дмитрий и присел.

– Ну нет, – замотала головой девушка. – Так мы точно грохнемся. Скользко же, – она скинула босоножки и протянула руку. – Держи меня крепче, чтобы не унесло.

– Похоже на старую крепость, – сказал Дима, когда они промокшие выбрались на берег.

– Давай, попробуем забраться на башню, откуда можно всё осмотреть, – предложила София.

У самого берега начиналась стена, сложенная из больших камней. Внизу всё заросло диким виноградом и кустами. Они набрали на заваленный камнями проход, через который, пригнувшись почти до земли, попали внутрь.

Башня была рядом. Вход в неё прикрывала незапертая дверь. Внутри начиналась чугунная винтовая лестница. Тусклый свет попадал на неё из узких окон. Почти в полной темноте, держась друг за друга и за шаткие перила, они выбрались на открытую со всех сторон верхнюю площадку. Здесь было светло от луны и ярких звезд. С мощной перекладки, покачиваясь, свисали колокола разных размеров. Внизу шумела река, за ней сверкали городские огни. В углу стояла деревянная лестница, по которой можно было подняться ещё выше – на плоскую крышу, – но им уже это было не надо.

Они бросились друг к другу, как будто специально забра-

лись сюда именно за этим. Будто бы только здесь, на этой старой колокольне, им было разрешено не прятать своих чувств. Сбрасывая мокрую одежду, они не могли оторваться друг от друга, забыв о том, что кроме их любви существует что-то ещё.

Целой ночи не хватило, чтобы они смогли утолить свою жажду. Перед самым расцветом, когда от реки поднялся туман, который как ватное одеяло укутал всю равнину до самых гор, они слышали, как по лестнице кто-то поднимается.

– А жаворонок нас не предупредил, что уже пришло утро, – прошептал Дима, нежно касаясь губами шеи Софии.

– Наверное, это потому, что ты не веришь в Ромео и Джульетту.

Ещё несколько минут они ждали того, кто, покашливая и останавливаясь почти на каждой ступеньке, медленно, но упрямо поднимался вверх. Этого времени им хватило, чтобы одеться.

Старичок в чёрной сутане, опираясь на длинную палку, наконец добрался до площадки. На смуглом лице, покрытом сеткой мелких морщин, светились озорные глаза, которые были словно пересажены от кого-то другого, гораздо более молодого.

– Вижу, что ночь показалась вам очень короткой, – сказал он.

Священник тяжело дышал, но всё равно улыбался. Он по-

ставил посох к стене и присел на маленькую скамейку.

– Я специально пришёл чуть раньше, чтобы вы могли спуститься до того, как я начну свою музыку, – он показал рукой на колокола. – Я-то уже почти привык, но для вас это будет слишком громко.

– Это опять вы? – смутившись, спросила София, узнав в священнике старичка с крыши собора. – Вы знали, что мы здесь?

– Влюбленные пахнут свежестью и надеждой. Я это почувствовал, как только вы перебрались через реку. Так пахнет мимоза ранней весной. А сейчас лето.

– Простите нас, – извинился Дима. – Мы не думали, что рядом кто-то живёт.

– Вы спускайтесь вниз и справа от башни мой дом, – старик поднялся со скамейки и взял в руки верёвки от колоколов. – Вы наверняка проголодались, а мне грустно завтракать одному. Буду будить тех, кто забыл, что такое любовь...

Никогда хлеб с маслом, омлет и кофе не были такими вкусными. Священник рассказал, что когда-то очень давно здесь был большой монастырь. Но сейчас остался только небольшой приход и эта колокольня, которая скоро разрушится.

– Прихожане редко сюда приходят поблагодарить господя, – пояснил он. – Чтобы они совсем не забыли дорогу к храму, я пеку хлеб. Скоро за ним сюда придут люди.

– А я могу исповедоваться после завтрака? – вдруг спросила София.

– Это лишнее, – священник плавно поднял и опустил руку, будто благословляя. – Я всё вижу. Никакого греха нет. Любовь дарует бог. А судить его нам не дано... Я вас провожу.

Обратный путь шёл по кипарисовой аллее. Дмитрий и София, с интересом слушая старика, прошли через старое заросшее монастырское кладбище. Доведя молодых людей до моста, священник с ними распрощался.

– А что вы делали там, в Милане? – не удержавшись, спросила София. – Странно вот так встретиться ещё раз.

– Все встречи только кажутся случайными. На самом деле всё давным-давно предопределено, – тихо сказал старик. – Вы это ещё узнаете. Но всему своё время.

Старый каменный мост с толстыми опорами был тоже заброшен. По нему, видимо, очень давно не ездили машины, поэтому из трещин пробивалась трава и росли невысокие кусты. На середине моста Дмитрий хотел поцеловать Софию, но она отстранилась.

Он понял, что она ждёт от него слов, которые надо было сказать раньше, на колокольне, но там Дима их сказать не успел. А здесь сказать стеснялся. Его сердце бешено стучало.

– Ты поедешь со мной в Россию? – неожиданно спросил Дмитрий, так и не набравшись смелости прямо сказать о сво-

ей любви.

– Странный вопрос, – растерялась София, ждавшая других слов. – Но зачем нам куда-то ехать? У вас холодно. Разве мы не сможем найти дом здесь, в Италии?..

Дмитрий и сам понял, что сказал что-то не то: не к месту и не ко времени. Он уже набрал воздуха, чтобы произнести нужные слова, но сильный порыв ветра поднял и закрутил на мосту у их ног упавшие листья. Потом к шуму журчания реки добавился шум зашуршавших крон прибрежных деревьев, где-то за горами загрохотало, и через несколько секунд на них обрушился теплый летний ливень...

На станцию, они прибежали опять мокрые и в поезде, прижавшись друг к другу, молчали всю дорогу до Милана.

Дима думал о словах, которые не успел сказать и о том, что теперь будет в Доме дружбы. До сегодняшнего дня он серьёзно не задумывался, что можно жить не только в СССР. Переезд в другую страну в Советском Союзе приравнялся к предательству. «Почему моей Родине станет хуже, если я буду жить не в Питере, а здесь с любимой женщиной?»

– Забыла тебе вчера сказать: я ушла от мужа, – как бы между прочим произнесла София, что-то разыскивая в свой сумке, как только они вышли на перрон. – Тебя это ещё интересует? – она достала расчёску, чтобы привести в порядок слипшиеся после дождя волосы. – И если ты ещё не переду-

мал взять меня...

Договорить она не успела: к ним подошёл полицейский, попросил документы и пригласил пройти за ним. В отделе полиции им сообщили, что они задержаны по подозрению в организации взрыва того самого автомобиля коммунистической партии Италии.

Глава 14

Глава полиции Милана любил повторять: «Умному человеку инструкции не нужны, а дураку они не помогут».

Недавно он купил домик в Калифорнии на деньги, которых по декларации у него быть не должно. Американцы могли послать запрос в Италию о законности их появления у полицейского чиновника, но не послали. Глава всё понял без слов. Понял, что доверие необходимо оправдать.

Комиссара Вико Пилини, отвечающего за расследование убийства Альде Морьячи, он вызвал, чтобы узнать, нет ли у того информации, которая может быть полезной для его новых друзей. Информация была.

– Без сомнения, политика убили не без участия американцев, – доложил комиссар. – Им он как кость в горле. Если бы завтра на сотрудничество с СССР пошла бы Италия, то послезавтра – вся Европа. И неизбежно через некоторое время американцы получили бы пинком под зад.

– У тебя есть доказательства их участия? – сухо спросил глава полиции.

– Пока только зацепки. Но в этом деле есть большие шансы на успешное завершение расследования.

– А что по той девушке, убитой в отеле?

– По ней пока ничего нет, – ответил комиссар. – Я думаю, она что-то знала или что-то видела. Скорее всего, русские её использовали для соблазнения кандидата. И в момент убийства она была с ним. Поэтому её ликвидировали, как ненужного свидетеля. Скорее всего, те же, кто убил Морьячи.

– Американцы?

– Больше никому, – пожал плечами комиссар.

– Вот о чём я думаю, – глава полиции понял, что появился хороший шанс расплатиться с новыми друзьями и решил начать издалека: – Какая лично нам с тобой польза от Советского Союза? Равенство и братство – это только слова, которые красиво звучат. Знаешь пословицу: на дороге, где запрещён обгон, все машины двигаются со скоростью самого медленного автомобиля?

– К чему это вы?

– Равенство во всеобщей бедности мне не очень нравится. То ли дело США – свобода для каждого...

– Зачем вы это мне рассказываете? – перебил начальника комиссар.

– Лучше будет, если мы не будем трогать американцев и оба убийства повесим на русских. К тому же, это устроит и наше правительство, – спокойным голосом ответил полицейский чиновник.

– Зачем русским убивать того, кто хотел наладить отношения между СССР и Италией?

– Всё не так однозначно. У Советов давно уже нет единства по поводу будущего. Кто-то хочет продолжать строить коммунизм, а некоторым хочется иметь личные дворцы и яхты. Да и кто будет что-то спрашивать, если все газеты обвинят русских?

– Я вряд ли смогу найти доказательство их участия, – ответил комиссар.

– Не найдёшь доказательств – ищи другую работу. Иди подумай, что тебе важнее.

Комиссар повернулся и сделал шаг к двери.

– Подожди секунду, – остановил его начальник. – Мне только что доложили, что на вокзале задержали двух человек по подозрению в теракте. И один из них русский.

– Я не знаю, кто и зачем их задержал. Машину взорвали другие люди, – не стал спорить Пилини. – Я могу идти?

Комиссар прекрасно понимал значение расследования убийства Альде Морьячи. И знал, что его слова про существующие зацепки – пустой звук. Никаких твердых улик ему не найти. На приёме присутствовали десятки людей. И все они или звезды кино, или политики. Устроить перекрёстные допросы, выяснить, кто где был в момент убийства никто бы Вико Пилини не позволил. А полноценно поработать на территории Дома дружбы не разрешили бы русские. Так что он

мог только предполагать исходя из того, кому это убийство выгодно.

«Если кто-то зелёный сидит в болоте, квакает как лягушка, прыгает как лягушка, то с большой вероятностью это и есть лягушка», – думал комиссар. Это не первое политическое убийство в Италии, совершенное американцами. И ещё ни разу им не были предъявлены обвинения.

Что касается убитой женщины, то в этом деле тоже вряд ли можно установить виновников.

Администрация отеля утверждает, что она приехала одна и сняла номер на три дня. Из вещей у женщины был небольшой чемодан. Потом к ней заезжал высокий мужчина. Он был в номере минут пятнадцать... Экспертиза установила, что смерть произошла от передозировки. Русские утверждают, что она даже алкоголь не употребляла.

Конечно, если бы удалось найти этого высокого незнакомца... Но наверняка он уже не в Италии. Да и если этот человек и причастен к убийству, то, как исполнитель. А найти заказчиков невозможно.

Скорее всего, комиссар Вико Пилини смог бы устроить всё именно так, как хотел его начальник: обвинить русских. Но была одна проблема. Дело было даже не в том, что он знал про домик своего шефа в Калифорнии. Вико Пилини очень не любил американцев.

В марте 1944 года, когда ВВС США бомбили рабочие при-

города Милана, погибли его родители и два брата. Их заваляло обломками ночью в кроватях, когда одна из бомб взорвалась прямо на крыше старенького дома.

Поэтому сразу из управления полиции он поехал к приятелю детства Альберто Карлони. Когда-то давно они вместе гоняли на пустыре футбольный мяч и вместе ходили в одну школу. Прошло много лет. Вико стал комиссаром полиции, а Альберто возглавил влиятельную преступную группировку.

Глава 15

Комиссар Вико Пилини действительно не знал, кто и зачем задержал Софию и Дмитрия. Это могли сделать полицейские по просьбе каких-нибудь спецслужб, которые никому не докладывают о своих мотивах, но могли и просто не самые умные служаки ради красивого рапорта начальству.

В действительности всё оказалось куда сложнее.

Когда в Доме дружбы обнаружили, что Дмитрий сбежал, директор тут же решил, что получил хороший шанс на реабилитацию. Ведь выходило, что он был прав, когда подозревал молодого переводчика в причастности к убийству. Борис Ильич немедленно сообщил о побеге в Москву, не забыв добавить, что ещё пару дней назад распорядился отправить Дмитрия под домашний арест. Москва дала указания срочно принять меры к поиску беглеца.

Директор ликовал. Он этого и ждал – не теряя времени, послал запрос в полицию Милана, дополнительно упомянув

про тот самый теракт.

Борис Ильич знал о том, что Дмитрий спас девушку, которая была на месте взрыва. Значит, подумал он, они оба причастны к этим событиям. А кто в какой роли, пусть разбирается полиция. Прекрасно зная, как работает бюрократическая машина любой страны, директор надеялся, что, если получится привязать Дмитрия к теракту, то может получится привязать его и к убийству Альде Морьячи. И тем самым уменьшить в глазах Москвы свою личную вину. Так что исчезновение переводчика случилось как нельзя кстати.

Поэтому, когда Борис Ильич вместе с советским консулом приехал в отдел полиции, где находился Дмитрий, к нему вернулась надежда: «Может быть, и не придётся уезжать из солнечной Италии».

Посещение задержанного было скорее ритуальным мероприятием. Пользы для Дмитрия в нём не было. Обычные официальные вопросы от консула: «Как обращаются? Как кормят? Есть ли жалобы на условия содержания?» Консул не мог помочь Дмитрию, а директор и не собирался этого делать.

Пока они ехали по миланским улицам, Борис Ильич рассказывал консулу о своих подозрениях. Старый прожжённый дипломат, конечно, всё понимал и даже сочувствовал Дмитрию, но влезать в эти игры не хотел.

А вот для Дмитрия их визит был чуть ли самой главной надеждой. Он не мог понять, за какие грехи на него сва-

лились все эти проблемы. Сначала домашний арест в Доме дружбы, а теперь арест итальянской полицией.

Сразу после задержания на вокзале их с Софией разделили. Его поместили в крохотную камеру, а её увели непонятно куда.

Больше всего он переживал из-за того, что не смог там на мосту рассказать ей о своих чувствах. Постеснялся. Не смог подобрать слов. Если бы сейчас он мог хоть на одну минуту оказаться с ней рядом... Но сейчас он мог лишь, как лев в зоопарке, метаться по своей клетке. Три шага в одну сторону, три шага в другую.

Внезапно к нему пришла мысль: «А может я тогда не смог ничего сказать, потому что только сейчас понял, как много она для меня значит? Ведь там, на мосту у монастыря, казалось, что так будет вечно. И ласковое утреннее солнце, и журчащая по камням река, и счастливые глаза Софии...» Сейчас в полутемной крохотной камере всё это казалось далёким и нереальным.

Он пытался что-нибудь узнать о девушке у охранников, но ему лишь сказали, что скоро приедет советский консул и он сможет у него узнать всё что нужно. Поэтому встречи с ним Дима ждал, считая даже не минуты, а секунды. Он прислушивался к гулким шагам в коридоре, надеясь, что это идут за ним. Но каждый раз проходили мимо.

Неизвестность сводила с ума. Он пытался успокоиться и подумать, где и что он сделал не так. Но сосредоточиться

не получалось. От напряжения заболела голова, заболела до тошноты.

Дима вспомнил, как очень давно, обидевшись на учителя за незаслуженно плохую, как ему тогда показалось, оценку, он убежал из детского дома. Была поздняя дождливая осень и по ночам подмораживало. Его искали десятки человек. Милиция, военные... А он прятался в тёплой котельной прямо у детдомовского забора. Когда его нашли и поместили в лазарет, он из окна наблюдал, как на площади перед детдомом выстроили всех, кто его искал. Даже издалека, сквозь голые ветки деревьев он видел радость в глазах усталых людей в мокрых шинелях. Первый раз в своей жизни он испытал такое жгучее болезненное чувство. Ему было стыдно...

Он часто вспоминал об этом дне. И конечно, каждый раз к нему возвращалось чувство стыда. Но со временем к этому добавилось ещё одно чувство. Знание того, что он кому-то нужен. Кто-то заботится о нём. А для детдомовца это значило очень много.

Наконец дверь открылась. Два охранника провели его в большую хорошо освещённую комнату, в которой за длинным столом его ждали консул и директор.

То, что произошло дальше, было для Дмитрия как ледяной душ. Конечно, он не ждал, что прямо после этой встречи его выпустят из полиции, но на сочувствие и поддержку он рассчитывал. И ещё на то, что ему хотя бы объяснят, что

происходит.

Нечего этого не случилось.

Консул задал несколько дежурных вопросов и, что-то пометив у себя в блокноте, больше не участвовал в разговоре. Директор несколько раз напомнил о том, что Дмитрий обязан помнить: за разглашение государственных тайн его ждёт строгая ответственность. Даже произнёс длинную напыщенную фразу про измену Родине.

После этого встреча закончилась и за Дмитрием пришли охранники. Уже у двери он обернулся и спросил про Софию.

– Она гражданка Италии. Нас не волнует её судьба, – холодно ответил консул.

– А тебе надо сейчас не о бабах думать, – добавил директор, – а о том, как жопу свою спасти. Потому что и здесь в Италии, и дома в СССР после того, что ты натворил, к тебе есть серьёзные вопросы.

Диму отвели опять в камеру. Он уходил из неё с большой надеждой, а сейчас от обиды и бессилия ему хотелось плакать, как в далёком детстве.

Через несколько минут дверь опять открылась.

– К вам посетитель, – сказал охранник.

Глава 16

Прошла целая жизнь с тех пор, как Вико Пилини был здесь последний раз. От центра Милана он ехал всего тридцать минут, но казалось, что попал на тридцать лет назад

в прошлое. На этой улице он родился. Здесь около старого платана стоял дом, в котором он жил до войны. Отсюда ходил в школу.

Одноэтажное здание школы пряталось в тенистом сквере. Комиссар не спеша обошёл его, заглядывая почти в каждое окно. Кого он там хотел увидеть? Себя?

На месте пустыря за школой, где он когда-то до ночи играл в футбол, и сейчас была спортивная площадка. Только теперь она была покрыта резиновой плиткой и с одной стороны стояли невысокие трибуны. Футбольные ворота были настоящие, с красивой новой сеткой, а раньше игроки обходились двумя кирпичами. Часто из-за этого игра надолго прерывалась. Начинались яростные споры о том, где именно пролетел мяч и попал бы он в ворота, если бы штанги были выше.

Комиссар осмотрелся по сторонам – ни одного высотного нового дома в округе не было. Всё здесь было точно так, как тридцать лет назад. Вико Пилини знал, почему сюда не смогли влезть вездесущие застройщики. Всё просто – здесь жил его друг детства Альберто Карлони, который их сюда не пускал. К нему он и приехал, чтобы поговорить о важных делах.

Дом Альберто был в конце улицы и ничем не отличался от других домов. О встрече они договорились заранее и хозяин, крупный седой мужчина в белой рубашке и коричневой жилете, уже ждал его на невысоком каменном крыльце.

Они обнялись и ревниво осмотрели друг друга.

– Да уж, – улыбаясь и похлопывая друга по плечу, произнёс Альберто. – Глядя на старых друзей понимаешь, как быстро летит время.

Они прошли в дом. В гостиной, казалось, ничего не изменилось. Будто вчера мать Альберто кормила их здесь фасолевым супом, а по праздникам угощала котлетами и вкуснейшим ризотто с шафраном.

Вико был сиротой и жил у сильно пьющего дяди. Поэтому все в округе старались его подкормить.

В гостиной у стола их ждала жена Альберто. Комиссар знал, что встретит её, но всё равно растерялся. В те времена, когда она была юной девушкой, Вико любил её. Но она выбрала более решительного Альберто. Может быть, поэтому он уехал из этого района. И, может быть, поэтому стал полицейским.

– Клаудия всё утро, как узнала, что ты приедешь, не выходила из кухни. Наготовила на десятерых.

– У вас здесь всё как прежде, – с ностальгией, присаживаясь за стол, сказал комиссар. – Время как будто остановилось.

– Оно не само остановилось, – Альберто сел рядом и жестом показал жене, что можно накрывать на стол. – Мы его здесь сами остановили.

– К сожалению, это нельзя сделать во всей Италии. Даже тебе.

– Ты прав, – согласился старый приятель. – Стоит на миг

отвернуться и чиновники сразу застроят всю округу своими бетонными муравейниками. А потом заселят их бездельниками и всякими грязными мигрантами из Африки и Ближнего Востока. Через несколько лет не поймешь где ты: в Милане или в Каире, в Стамбуле или в Мюнхене, – Альберто не любил приезжих, не любил власти и не хотел перемен. Мысль о том, что рано или поздно ему придётся отступить, мгновенно приводила его в бешенство. – Клаудиа, принеси хотя бы кофе, что мы сидим у пустого стола, – крикнул он жене.

Вико Пилини вспомнил, что и в юности Карлони так же быстро закипал, если что-то шло не так, как он хотел.

– Люди забудут, что они итальянцы, – возмущался хозяин. – У меня шесть братьев и три сестры. Все они живут здесь и не хотят никуда уезжать. Чуть ли не каждый вечер мы встречаемся вечером за этим столом. Вот она, моя родина! Мне плевать на то, что делают в Германии или в Америке. Мне важно, чтобы не лезли ко мне. Важно, чтобы моя семья жила счастливо и спокойно. И я хочу, чтобы мои внуки здесь, в этом доме, пели старые итальянские песни.

Он стукнул по столу огромным кулаком.

– Не хочу, чтобы Италия превратилась в межнациональный винегрет. Этого хотят только наши политики, которые служат или русским, или американцам.

– Я из-за этого к тебе и пришёл, Альберто. Есть одно дело, которое по силам только тебе. Слишком много появилось

людей, которые хотят провести в нашей Италии совершенно ненужные нам эксперименты...

Глава 17

Те же два охранника провели Дмитрия по длинному гулкому коридору в ту же комнату, где полчаса назад он встретился с советским консулом и директором.

– Вам, наверное, интересно, кто я такой? – спросил сидевший за столом мужчина, как только за охранниками закрылась дверь и они с Дмитрием остались одни. – Согласно вашей пропаганде – я враг, а по факту – единственный человек, который хочет вам помочь. Меня зовут Генри. Генри Киссен, – представился собеседник. – И как вы, наверное, уже догадались, я представляю те самые американские спецслужбы, которыми вас пугают с самого детства. Здравствуй-те.

– Это вы меня сюда запихнули? – стоя перед собеседником и сжав кулаки, крикнул Дмитрий, решив, что нашёл того, кто виноват во всех бедах. Он был готов броситься на этого человека.

– Что вы!?! Я, наоборот, пришёл сюда, чтобы вам помочь. Вы присаживайтесь за стол, – Генри указал на свободные стулья. – Я сейчас вам всё покажу, – он понял, что вывел парня из психологического равновесия и, значит, теперь проще будет с ним работать. – Не стойте столбом. Посмотрите на эти документы.

Дмитрий резко подвинул стул к себе, сел напротив гостя и взял протянутые бумаги.

– Это заявление, написанное вашим директором в итальянскую полицию. Он просит найти вас и проверить на причастность к теракту, – прокомментировал Генри верхний документ. – А вот копии его докладов в Москву. В них он сообщает, что вы можете быть причастны к убийству Альде Морьячи, – пояснил он следующие бумаги.

Пока Дмитрий торопливо читал документы, пытаюсь осознать, что там написано, Генри откинулся на стуле и, глядя в потолок, философски произнёс:

– Вот как бывает: вчера вы целовались с любимой девушкой, а сегодня сидите в камере размером не больше кладбищенской могилы. Так устроен мир. Всё брэнно: люди, страны и даже идеи. Всё превращается в прах. Так есть ли смысл добавлять в свою недолгую жизнь лишние беды и невзгоды? Не лучше ли то, что нам отпущено, использовать для счастья? Тем более вы его, кажется, нашли.

– Все это фальшивка! – возмутился Дмитрий и бросил бумаги на стол. – Консул мне пообещал, что я скоро выйду отсюда.

– Мне кажется, вы пытаетесь себя успокоить, – спокойным голосом произнёс Генри. Затем он встал, обошёл стол и сел рядом с Дмитрием. – А хотите, я расскажу, как всё будет?

– Попробуйте, – согласился Дмитрий хриплым от бессилия голосом. В горле у него пересохло. Хотелось ясности. А

ещё больше хотелось, чтобы всё это закончилось как можно быстрее.

– Может быть, ваши товарищи и освободят вас из этой камеры, но вы вряд ли будете этому рады. Лет десять проведёте в советской тюрьме, а потом, если повезёт, вас ждёт работа учителем в каком-нибудь захолустье. И главное, Софию вы не увидите больше никогда, – Генри заметил, как поник его собеседник и решил, что пришло время надавить посильнее: – Вы получите такую психологическую травму, от которой не сможете оправиться. В лучшем случае сопьётесь. В худшем – будете всю оставшуюся жизнь ругать себя, что не приняли моё предложение.

– Вы мне ещё ничего и не предлагали, – произнёс Дмитрий.

– Вы, Дима, сирота. Вряд ли за вас кто-то вступится. А мы поможем вам сделать карьеру. Я помогу...

– Отчего вдруг такая забота? – огрызнулся молодой человек.

– Врать не буду. Разумеется, не потому что вы мне очень нравитесь, – усмехнулся Генри Киссен. – Просто толку от вас на высокой должности будет больше. Мы можем сделать так, что не вы, а ваш директор окажется крайним в этой ситуации. А вы очень скоро займёте его место. Будете жить и работать здесь, в Италии. Рядом с Софией. Возможности у нас для этого есть.

Видя, что Дима задумался, Генри решил ещё немного на-

жать:

– Сейчас, Дима, вы пешка. Точнее – разменная монета, расходный материал в чужой игре. Инструмент для реализации чьих-то замыслов. А стоит ли тратить жизнь на реализацию чужих планов, в которые вас даже не посвящают? Жизнь имеет смысл, только если ты играешь сам за себя. В свою игру.

Генри кряхтя поднялся со стула и встал за спиной Дмитрием, положив ладони ему на плечи.

– Вы видите только то, что вам разрешают видеть. Иллюзию. Сказку, состряпанную грязными руками.

– Что же мне не разрешают увидеть? – спросил Дмитрий.

– Может быть, лучше этого и не знать. Как там у Соломона: «Многие знания – многие печали». Но вы, Дмитрий, человек интересующийся, поэтому всё равно полезете. Скажу лишь, что знания – как ваша русская матрёшка. Каждый раз, когда тебе кажется, что докопался до правды, обнаруживаешь, что внутри есть ещё одна. Только ещё страшнее и неприятнее.

– И что будет, когда ты дойдешь до последней? – поинтересовался молодой человек.

– Внутри последней сидят жаба с гадюкой, – ответил Генри и рассмеялся. – Я не знаю, что в последней. Думаю, что лучше в это вообще не лезть. Всё это не имеет значения.

– А что имеет? – не унимался Дмитрий.

– Любовь, Дима, и любимое дело. Любовь вы, надо пола-

гать, нашли. А дело... Вы, кажется, мечтали написать книгу? Хорошая мечта, – Генри отошёл к окну. – Но не буду от вас скрывать: есть одна проблема. Вашу подругу, как и вас, обвиняют в организации теракта у вокзала.

– Что?.. В чём её обвиняют? Она же не виновата. Это бред. Я же сам её спасал от террористов.

Генри Киссен пожал плечами.

– Это дело итальянской полиции и итальянского суда. К счастью, в Италии нет смертной казни.

У Димы внутри всё оборвалось. Ему казалось, что он сорвался в пропасть и летит вниз, зная, что там его ждут острые камни.

– Сейчас мне нужно от вас лишь принципиальное согласие, – негромко произнёс Генри, рассматривая что-то за окном. – Никаких договоров. Я дам вам время подумать. Но вы должны понимать, что среди тюремных охранников много тех, кто очень не любит террористов. Всякое может случиться. Кстати, по иронии судьбы один из охранников вашей девушки – тот человек, которого она пыталась задержать на месте взрыва...

Он не спеша вернулся к столу. Аккуратно собрал лежащие на нём документы и молча убрал обратно в папку. Застегнув светлый пиджак, Генри взглянул своими колючими чёрными глазами на поникшего Дмитрия и добавил, презрительно усмехнувшись:

– Сегодня утром ваш писатель – Ираклий Шалович

Чуклава – попросил политического убежища в США. А ведь какие стихи звонкие писал! Про революционных трубачей и про комиссаров в пыльных будёновках, – Генри, продолжая стоять напротив Дмитрия, отложил папку в сторону, уперся ладонями в стол и спросил: – А вы знаете, что патриоты бывают трёх видов?

Дима не отвечал и даже не смотрел в его сторону.

– Наверху патриоты на зарплате – чиновники, писатели и журналисты. Под ними те, кто не умеет или не хочет думать самостоятельно. Те, чьи мозги обработали патриоты на зарплате. Поверьте, от тех и от других толку для страны мало. А есть патриоты – прагматики. Я вот прагматик. Хочу, чтобы американский народ жил хорошо. Народ сыт – государство в безопасности. А если народу постоянно врут, то рано или поздно он выходит на улицу и сносит власть, которая не может обеспечить ему нормальную жизнь. Это патриотический прагматизм. Вы согласны?

После этих слов Дима будто очнулся. Мозг заработал.

«О чём я, собственно, думаю? Какой у меня выбор? Ведь получается, что Родина меня бросила. Стоп. Не спеши, – он вспомнил детский дом и людей на площади в мокрых шинелях. – Кто-то поступил подло. Но директор с консулом – это не вся страна. Это те самые патриоты на зарплате. При чём здесь Родина? Я отвечаю за себя. За свои поступки. Перед самим собой. Только за самого себя. В своих собственных глазах я не хочу считать себя изменником и подонком, –

всё казалось простым и понятным, пока он не подумал о Софии. – Хочешь быть чистеньким? А как же София? Ты не хочешь быть предателем по отношению к стране, а по отношению к девушке? Ведь сейчас её жизнь зависит от твоего выбора...»

Ответа не было. И в этот момент, неожиданно для самого себя Дмитрий произнёс слова, которые появились в его голове непонятно откуда, но которые показались ему правильными:

– Вы правильно сказали. Я сирота. Но родители у меня были. И они похоронены в Ленинграде. В Советском Союзе. После их гибели меня усыновила моя страна. Может, она не самая богатая и заботливая. Может, слишком требовательная. Но родителей не выбирают. И не предают... Не всё можно разложить по полочкам. Есть в человеке то, что делает его человеком: совесть, душа, искра божья, не знаю, как назвать, но твердо знаю, что есть... Никакой прагматизм этим управлять не может.

Дмитрий замолчал. Он вспомнил о Софии и представил, что она сейчас в крохотной камере. И ей надеяться не на кого.

– Есть многое на свете, друг Гораций, что и не снилось нашим мудрецам... – вспомнив Шекспира, продекламировал Генри. – Хорошо. Может вы и правы. Решать вам. Я зайду завтра.

Глава 18

Перед встречей с Генри Киссенем Владлен решил погулять по Милану. Он, наверное, первый раз в жизни не знал, что делать. Если опираться на реальные факты и сухие цифры – необходимо принимать предложение американца. Но потрясающая интуиция Владлена – человека, выбравшегося из обшарпанной коммуналки к вершине власти, – кричала об опасности такого шага. Страна становилась зависимой от планов ни кому неизвестных людей. От пресловутой мировой закулисы.

Владлен шёл по Via Brera в старой части города. Картины местных художников, расставленные вдоль улицы, сувениры, витрины магазинов с модной одеждой его не интересовали. С любопытством он заглянул в несколько католических храмов. Людей в них почти не было. Похоже, что идеи равенства и братства, в какую бы форму их не облачали, уже не пользуются популярностью. Будь то марксизм-ленинизм или христианство. Люди не хотят быть безликими, не хотят быть гайками-болтиками в непонятном им механизме. Хотят хоть чем-нибудь выделяться из толпы. Серые рублища праведников никого уже не манят.

Владлен Семёнович Брахмин будто пытался сам себе доказать, что Генри Киссен прав.

«Советский Союз зашёл в тупик. Звонкими речами и пустыми обещаниями людей работать не заставишь. А без этого невозможно построить крепкую, богатую страну.»

Конфронтация с Западом бесперспективна. Если начнётся большая война, победителей не будет. Значит только сотрудничество.

Можем ли мы диктовать условия этого сотрудничества? Конечно нет. И дело даже не в технологиях. Если не слушать горлопанов и прожектёров, то у нас почти не осталось людей, которые умеют и хотят работать. Генри прав: энтузиасты кончились. А за медаль или почётную грамоту желающих вкалывать нет».

Он вспомнил неутешительные прогнозы, которые давали советские профессора-экономисты.

«Значит, сейчас мы можем выжить только на ресурсах. А дальше? Дальше попытаться подготовить новую элиту. Дать людям новые стимулы.

А если не получится? Если не получится, мы станем страной третьего мира. Нет грамотных и толковых людей – нет будущего. И никакие великие лидеры, никакие «измы» это не исправят.

Значит, сейчас Советскому Союзу нужен покупатель для нефти и для газа. Генри обещает, что это будет Европа. В новом мире он отводит ей роль завлекающей витрины.

Чтобы заставить ослика работать, нужна палка и морковка. Вот Европа и станет этой морковкой. А чтобы «витрина» жила хорошо, кто-то должен эту витрину обеспечивать. Значит, мы за собственные деньги выкормим тех, кто будет нас презирать, ненавидеть и бояться? Тех, кто,

может быть, нас и похоронит?.. Да. Но только, если мы не используем свой шанс».

Он вспомнил первую послевоенную зиму. Школу в центре Москвы. Как и большинство учеников, Владлен ходил на занятия в стоптанных валенках с парой заплат на пятках. Однажды он увидел на незнакомом старшекласснике американские военные высокие ботинки тёмно-коричневого цвета из толстой свиной кожи. Их глянцевый блеск мгновенно стал для Владлена символом успеха. Он готов был пойти на что угодно, лишь бы заиметь такое чудо.

Именно тогда у Владлена появилась мечта: попасть в круг людей, которые ходят в таких ботинках. Перебрав все варианты, он понял, что у него есть только один путь достичь своей цели – упорство и трудолюбие.

Школу он закончил с золотой медалью, институт с красным дипломом. Делать ставку на успешный брак Владлен не стал. И не только потому, что реально оценивал свою неказистую внешность. Ему хотелось, чтобы женщина его боготворила, а в случае выбора невесты из высшего круга, на это рассчитывать не приходилось.

Со временем зависть к богатым и презрение к бедным и неудачникам стали чувствами, которые будили его по утрам и заставляли действовать: бежать в ванную под ледяной душ, поднимать гири, учить стихи Киплинга и Байрона. Всё это отразилось на его лице. Губы навсегда застыли в кривой высокомерной усмешке. Немигающие глаза потеряли цвет и

юношескую восторженность. В них не было даже подобия какого-либо интереса к собеседнику. Он был уверен, что знает о людях всё. И это знание позволяет ему презирать их мысли, их желания – презирать людей с их легко предсказуемыми поступками.

Владлен пришёл в то летнее кафе на маленькой уютной площади, где была назначена их встреча. Рядом со столиками, выставленными полукругом под открытым небом, для привлечения гостей установили площадку с импровизированным кукольным театром. Пока представление не началось, перед высокой сценой худенькая девушка-гимнастка в серебристом трико показывала акробатические номера, демонстрируя чудеса гибкости. К двум высоким шестам были подвешены канаты. Гимнастка раскачивалась на них и, высоко взлетая над зрителями, скручивалась и извивалась так, будто костей у неё совсем не было.

Владлен не сомневался, что, если «генри киссены» добьются своей цели и разломают старые традиционные государства, никакой эры милосердия, никакой демократии и свободы личности не будет. Мир навсегда будет поделён на людей первого сорта и всех остальных.

«Плевать на неудачников. Цель страны – попасть в золотой миллиард».

А ещё лучше именно ему, Владлену Семёновичу Брахмину, ворваться в число тех, кто принимает решения для

всего мира. Именно на эту возможность намекнул ему Генри в их первом разговоре.

Владлен вспомнил своё первое пальто ярко-вишнёвого цвета. Соседка по коммунальной квартире сшила его из старого мамино. Вспомнил, как дразнили его в школе. Вспомнил сказку про Гадкого утенка.

«Сейчас или никогда, – подумал он. – Такого момента больше не будет. У меня нет права на ошибку».

Глава 19

– Здравствуйте, мой дорогой друг! – воскликнул, появившийся будто из ниоткуда, Генри Киссен. – У вас какой-то растерянный вид, – он усадил Владлена за столик и сам, кряхтя, опустился напротив. – Говорят, в такую жару лучше всего пить красное вино. Прочищает сосуды и мозги. Составите компанию?

– Я лучше лимонад, – отказался от предложения Владлен.

Генри снял пиджак, бросил его на спинку соседнего стула и попросил официанта принести вино и лимонад.

– Выбор безалкогольного напитка говорит, что решение вы ещё не приняли. Угадал?.. Не понимаю, что вас пугает.

– Угадали, – Владлен попытался улыбнуться, но у него не получилось. Слишком много серьёзных вопросов, на которые не было ответов, крутилось в голове. Он посмотрел на блестящие коричневые кожаные ботинки собеседника, потом на мятый светлый пиджак на спинке стула, на дурацкую

белую шляпу, сдвинутую на затылок, и подумал, что легко мог бы занять место этого толстяка. Знать бы только, кто у них главный.

– Чем больше я о вас знаю, Генри, тем меньше понимаю, кого вы представляете. Раньше я считал, что правительство США, но сейчас я в этом не уверен. Вы ждёте от меня ответа, который изменит будущее моей страны, а я не знаю кто вы, мистер Киссен. Кто за вами стоит.

– Неужели я похож на мошенника или шарлатана? – сделав удивленный вид, развёл руками Генри. Затем не отрываясь осушил принесённый официантом бокал красного вина, посидел несколько секунд с закрытыми глазами, дожидаясь пока вино, пройдя по пищеводу, опустится в желудок и убедительно произнёс: – Я представляю тех, кто пытается сделать этот мир лучше.

– Я часть той силы, что вечно хочет зла, но вечно совершает благо? – с иронией процитировал Владлен.

– Вы мне льстите. Нет, конечно.

– А тогда, кто вашими руками пытается перестроить этот мир по своим лекалам?

Генри стал серьёзным.

– К сожалению, я не могу ответить. Уверен, скоро сами поймете. Но вы правы. Я не выполняю указания президента США. Мои работодатели другие люди. Могу лишь сказать, какая у них цель, – он оглянулся и показал на гимнастку перед сценой. – Вот посмотрите на эту девушку на канате. Рав-

новесие для неё – жизнь. Потеря равновесия – смерть. В нашем мире всё так же, – он развёл руки в стороны, делая вид, что пытается балансировать. – Если не будет равновесия – мир рухнет. Чтобы этого не произошло, я готов на всё. Даже на то, что люди считают злом. Хотя добро и зло – это не застывшие понятия, хранящиеся в палате мер и весов. Это всего лишь ярлыки. Инструменты для управления толпой. К примеру, не так давно здесь, в Европе, сжигали ведьм на кострах, а у нас в США линчевание негров было делом благим, а сегодня это зло. В Париже и Риме маршировали фашисты, и граждане осыпали их цветами...

– Мне кажется, вы просто держите меня за идиота, – перебил его Владлен и поднялся со стула. – Если вы не хотите мне говорить, кто ваш хозяин, то вряд ли есть смысл в нашем сотрудничестве.

– Не обижайтесь! – Генри вскочил вслед за ним. – Но я на самом деле не имею права вам что-либо рассказывать. Могу лишь добавить, что «Большая игра», в которую мир с таким энтузиазмом играл несколько столетий, закончилась. В двадцатом веке победили силы, которые я представляю. Теперь весь мир участвует не в «Большой игре», а в «Большом спектакле», сценарий к которому пишем мы. Все роли, даже самые маленькие, исполняют нанятые нами актёры. Все политики, журналисты, тираны, президенты и народные кумиры – всё это актёры, которые получают зарплату в одной кассе, только в разных окошках. Ни одной случайной реплики.

Всё только по нашему сценарию, – Генри держал Владлена за локоть, будто боялся, что тот уйдет. – Та интрига, та борьба, которую видят люди, придумана нами только для того, чтобы отвлечь их от главного. А главный приоритет – сохранение человечества и планеты. Да, для этого иногда нужны большие жертвы. Иногда войны. Но цель оправдывает всё, – победоносно объявил Генри и посмотрел на сцену кукольного театра, где начиналась какая-то пьеса. – И в любом случае каждый должен играть свою роль. Не может Пьеро стать Арлекином, нигериец немцем, а Бангладеш Италией. У каждого своё место, которое определили мы. Поэтому для вас сотрудничество с нами – последний шанс удержаться и не скатиться в третий мир. В небытие.

Владлен вспомнил счастливых людей, собравшихся на Красной площади той апрельской ночью шестьдесят первого года. Получается, что сейчас он готовится предать все их мечты и надежды. Ему захотелось ударить этого самодовольного потного американца.

– А если появится Буратино, который захочет создать свой театр и играть в нём свои спектакли? – спросил Владлен.

– Помните, в камерке папы Карла был холст с нарисованным очагом, а за ним та самая дверь в сказочную страну? – Генри отпустил руку собеседника и сел обратно за стол. – Не все поняли этот намёк. В новый мир можно попасть только через огонь. Через страшную войну. Может быть, те, кто вы-

живут в ядерной войне, и смогут создать свой театр, но деревянные куклы просто сгорят. Как сгорела Москва в 1812... Как потом сгорел Наполеон... Всё должно идти по нашему сценарию. Мы и нужны, чтобы не допустить слишком активных игроков до возможности играть в свою игру. К примеру, Альде Морьячи.

– Так это вы его убили? – вдруг осенило Владлена.

– Я его не убивал! Я не сторонник таких методов, – отмахнулся американец. – Любого человека, а тем более политика, можно уничтожить с помощью информации. Вот представьте, что завтра какая-нибудь итальянская газета опубликует материал, что вы продали мне какие-нибудь секретные коды запуска ваших ракет. А на полученные деньги развлекались на яхте с малолетними марокканками. Через день эту информацию перепечатают большие газеты. И всё. Вы станете предателем. Никто не станет проверять, правду напечатала газета или ложь, – Генри пристально посмотрел на Владлена, проверяя, правильно ли тот понял его слова. – Сейчас у вас есть возможность занять достойное место в существующем театре. Пусть не директора, но и не жалкого Пьеро.

– Зачем Советскому Союзу играть по вашему сценарию? Наше вооружение...

– Да кого волнует, сколько у вас бомб и ракет, – нетерпеливо прервал его Генри. – Ни один человек в вашей стране никогда не решится их применить. Это самоубийство. Повезёт лишь тем, кто умрёт сразу. К тому же миром правят не

военные, а банкиры. Миром правят деньги.

– А мне лично зачем участвовать в вашем спектакле?

– Вы будете писать сценарии для миллионов людей. Это огромное удовольствие знать, что их жизнь зависит от вас... Это лучше секса, денег и всего остального вместе взятого.

Взгляд Владлена упал на безупречно начищенные кожаные ботинки Генри. Он вспомнил свои детские мечты, закрыл глаза и тихо произнёс:

– Я согласен. И подготовлю материалы для встречи наших лидеров.

– Какие гарантии нужны лично вам? – мгновенно среагировал американец.

– Я вам верю. Надеюсь, вы меня не обманите.

Генри поперхнулся и так раскашлялся, что чуть не упал со стула. За его многолетнюю практику Владлен был первым человеком, который ничего не потребовал.

– Хорошо. Это правильно, – наконец придя в себя, сказал он. – Но от меня потребуют подтверждения вашего согласия. Подтверждение делом. Там, – он показал рукой куда-то наверх, – словам не доверяют.

– Какие доказательства вам нужны? – спокойным голосом спросил Владлен.

– У нас есть информация, что в самое ближайшее время в Италии начнётся грандиозная забастовка, которая может перекинуться на всю Европу. Возможно, она уже началась. Необходимо её остановить, – объяснил Генри Киссен.

– Да я знаю. Мы её остановим.

– Хорошо, – кивнул головой Генри. – Второе... Поддержку коммунистически режимов необходимо свернуть по всему миру.

– Я постараюсь убедить наше руководство в необходимости этого шага, – кивнул Владлен.

– Да уж. Постарайтесь, – голос Генри изменился. Вместо заискивания в нём теперь звучала требовательность. – И третье. Если вы соглашаетесь занять место энергетической державы, то вам незачем развивать некоторые отрасли своей экономики.

– Что вы имеете в виду? – у Владлена, несмотря на жару, на лбу выступила холодная испарина. Он не представлял, как объяснит это в ЦК. – О каких отраслях вы говорите?

– О высокотехнологичных. Об электронике в первую очередь. Об авиационной и автомобильной промышленности. О станкостроении. Всё это вам не понадобится. Купите у нас.

– А куда мы денем такое количество людей? – возразил Владлен.

– Ну, во-первых, это можно сделать не сразу, а в течении нескольких лет. А во-вторых... Ну не впишутся эти люди в новые условия. Вам-то что? Всё это можно представить как благо для будущего страны. У вас и так с кадрами плохо. Пропаганда – сильное оружие. Народу вообще необязательно всё знать. Точнее, ему это даже вредно, а для нас опасно, – Генри рассмеялся. – Представьте, овцы сообразят, что

они нужны лишь для шерсти и мяса... – он подозвал официанта и заказал два бокала вина. – Людей и так стало слишком много. И, как я и говорил, рано или поздно эту проблему придется тоже решать, – глаза американца стали холодными и даже безумными. – Когда мы перестроим мир по нашим проектам, то для большинства населения мы планируем применить давно проверенные методы. Методы большого концлагеря. Мы сделаем так, что люди уже не будут понимать, что они заключённые. Мы сами им будем говорить, что такое свобода, а что нет. Что хорошо, что плохо. Даже колючая проволока станет ненужной.

– И вы надеетесь, что люди добровольно придут в ваш лагерь?

– Они даже не поймут куда пришли, – с улыбкой ответил Генри. – Лет за тридцать мы научим их думать так, как нам нужно. Уже сейчас в Риме готовят научную базу, обосновывающую необходимость сокращения производства и установления контроля над рождаемостью. Китайцы уже приняли наши условия: одна семья – один ребенок. Но этого мало. Чтобы сохранить планету... Чтобы оставить её нашим внукам такой же прекрасной, на ней должно остаться не больше одного миллиарда безликих гомо сапиенсов. Управлять которыми будем мы с вами. Голод, войны и эпидемии... Всадники Апокалипсиса, несущие смерть, уже приближаются. Наша задача – сократить и смешать. Рабы не имеют права на национальность.

Он взял бокал, который принёс молоденький юноша в белой рубашке, второй подвинул Владлену.

– Надо выпить за сотрудничество, которое скоро закончится нашей окончательной победой, – торжественно произнёс Генри, подумав, что не за горами тот день, когда «пятая колонна» в СССР станет основной властью, и тогда эту страну можно будет захватить без единого выстрела. А этого парня можно будет продвинуть в руководители того, что останется от СССР.

Они кивнули друг другу, чокнулись бокалами и выпили. Генри Киссен был доволен. Всё прошло даже лучше, чем он предполагал. Ещё один советский чиновник попал в его сети.

«Этот парень хотел узнать, кто за мной стоит... Наверное, мечтает занять моё место. Наивный... Он всегда будет играть только ту роль, которую я ему отведу, и при этом даже не понимая, что он лишь жалкая тряпичная кукла-марионетка».

Конечно, ничего такого он Владлену не сказал. Но пооткровенничать ему хотелось.

– Народы и нации – это лишь придуманные ярлыки, которые когда-то были нужны правителям, чтобы отделить своих данников от чужих. Нам это деление не потребуется. Скоро мы добьёмся своей цели. И тогда не будет никаких итальянцев, никаких русских, немцев и китайцев. Мы поделим мир гораздо проще: на нас, избранных, и на всех остальных.

– Думаете, никто не возразит? – продолжая сомневаться,

ещё раз спросил Владлен.

– Вы так и не поняли главного. Давно уже не существует тех, кто играет в свою игру. Не все народы способны к государственному строительству. Вот вы, русские, потеряли свою страну в семнадцатом году, значит, потеряете её ещё не раз. Кто-то теряет, кто-то находит, – Генри вдруг вспомнил слова Дмитрия о патриотизме. – У человека, у народа должна быть черта, которая отличает его от животного: ответственность. Ответственность за себя, за близких, за страну. Она не может появиться сразу, откуда ни возьмись. Это передается от отца к сыну из поколения в поколение. Без неё народ – стадо. Которое любой пастух с дудочкой и хлыстиком может загнать к пропасти...

Владлен обратил внимание на двух мужчин, которые подъехали к кафе на мотоцикле. Они отличались от праздничношатающейся публики тем, что приехали на площадь явно по какому-то делу. Один остался сидеть, а другой, не снимая тёмного шлема, спрыгнул с заднего сиденья мотоцикла и быстро направился к ним, по пути что-то доставая из-под куртки. Генри ещё продолжал говорить, когда ему в затылок попала первая пуля. Владлен увидел, что мотоциклист выстрелил в толстяка ещё раз и направил пистолет на него...

Глава 20

О Меморандуме об исследовании национальной безопасности США NSSM-200:

Он был принят в качестве официальной политики Соединенных Штатов. Меморандум NSSM-200 был двухсотым аналитическим документом, поданным советником по национальной безопасности Генри Киссинджером президенту США. 26 ноября 1975 года он был утверждён президентом Джеральдом Фордом и оставался засекреченным до начала 90-х.

Меморандум и последующая политика рассматривались как способ, с помощью которого Соединенные Штаты могли бы использовать контроль численности населения для ограничения политической власти неразвитых стран, обеспечения легкой добычи иностранных природных ресурсов, предотвращения рождения молодых людей, выступающих против американской политики. Для защиты американского бизнеса за рубежом от вмешательства со стороны стран, стремящихся поддержать своё растущее население.

Составляя 6% мирового населения, США потребляют треть расходуемых в мире ресурсов, а они в основном расположены в регионах с быстро растущим населением. Поэтому в интересах США поставить под контроль рост их населения, угрожающий непредсказуемыми последствиями. США рекомендовалось начать долгосрочную программу снижения рождаемости во всём мире всеми доступными методами, подключив для этого различные международные организации: ВОЗ, ЮНИСЕФ, ЮНЕСКО, Всемирный банк, международную федерацию «Планирование семьи» и так далее.

Глава 21

Всю ночь к Дому дружбы подъезжали неизвестные граждане. Сомнительные личности, больше похожие на бездомных хиппи, просили охранника у ворот вызвать «товарища Судохватова». На территорию никто пройти не соглашался, и выходявший Павел Иванович вёл с ними короткие горячие переговоры прямо на улице. Поспать ему так и не удалось. Но о сне он даже не думал.

К грандиозным событиям, которые должны начаться этим утром, он готовился несколько лет.

По сути, это была уже не просто забастовка, а начало большой европейской революции. Если его план будет реализован полностью, то большинство стран на планете встанут на социалистический путь развития. Банковский капитал, как первородная причина всех войн, всех несправедливостей, будет уничтожен. Без этого создать на Земле условия для гармоничного развития всех регионов невозможно. Так считал Павел Иванович Судохватов.

Всеобщая забастовка начиналась по всей Италии в восемь утра. Как минимум, её должны поддержать в Испании, во Франции, в Греции и в Германии. В других странах рабочие лидеры так крепко срослись с действующей властью, что уже не хотели никаких перемен, опасаясь потерять сытную кормушку.

В любом случае европейские протесты такого масштаба

должны сорвать все кулуарные переговоры Запада и советских чиновников из лагеря приспособленцев – соглашателей. Не дать возможность этим червям сожрать страну изнутри тоже стоит не мало.

В ожидании машины, которая должна была приехать с минуты на минуту, Судохватов ходил из угла в угол, вспоминая, не упустил ли он что-нибудь.

Было предложение перенести штаб руководства забастовкой в офис итальянской коммунистической партии, но Павел Иванович решил, что будет лучше, если он останется на том же заводе, где проходила первая встреча.

«Если что-то пойдет не по плану, завод сможет стать крепостью, где рабочие будут сдерживать полицию и военных, дав время остальным на перегруппировку, на создание палаточных лагерей на площадях в больших городах. Хорошо, если эти уличные лагеря-митинги станут бессрочными. Попытки вытеснить их полицией ещё больше разозлят граждан и приведут в наше движение новых людей, – рассуждал Судохватов, стараясь не думать о возможной неудаче. – Если у нас получится, мы перетряхнём этот мир. А потом и в Москве, у себя дома, наведём порядок...»

Он знал за собой склонность к излишним метанием и всегда пытался вовремя себя остановить.

«А если дело провалится? – задумавшись, он вспомнил прошедшую войну. – Выше крыши не прыгнешь. Я сделал

всё, что мог. Эх, если бы можно было хотя бы на пару дней попросить у бога вернуть тех друзей, с которыми воевал в сорок первом... Но их нет. Может, пришёл и твой черёд? Может, и пришёл. Но бояться мне нечего: я прожил жизнь так, как учили родители, как сам понимал. Для чего родился, для того и пригодился. Может, что-то и не успел... Но всё разве успеешь... Принципам своим не изменял никогда. А уж прав был или не прав – не мне судить».

Через пару минут позвонил охранник от ворот:

– Павел Иванович, подъехал какой-то старенький «Фиат».

Водитель говорит, вы в курсе.

Судохватов присел «на дорожку», осмотрел комнату:

– Вроде ничего не забыл. Пора.

Он быстро спустился, вышел за ворота и открыл дверь поджидавшего автомобиля. В этот момент ему что-то крикнул охранник. Павел Иванович оглянулся и не увидел, а скорее почувствовал какое-то движение в окне на четвёртом этаже Дома дружбы.

Интуиция никогда его не подводила его. На войне часто случалось, когда он ещё не успевал проанализировать ситуацию обычными мозгами, а что-то подсознательное внутри него уже начинало действовать. Но что можно успеть сделать, когда до твоего сердца пуле остаётся лететь всего метров десять? Можно успеть сжать зубы или, наоборот, попытаться улыбнуться...

Судохватов успел подумать о том, что погиб как солдат и

даже, когда кровь уже пошла горлом из пробитого сердца и легких, смог прошептать:

– А ведь красивая была идея – Народная Империя.

Глава 22

Охранники пришли после обеда.

«Наверное, опять заявился тот настойчивый американец», – подумал Дмитрий. Как ответить на его предложение, он не знал.

В этот раз выбирать между Родиной и любовью не потребовалось. Диму ждал Вико Пилини.

Несмотря на огромный опыт, комиссар даже предположить не мог, что его старый приятель сможет разобраться с проблемой так просто и быстро. Вико не сомневался, что, обратившись к нему, сделал правильно, но на душе, несмотря на это, остался неприятный осадок. Все-таки он полицейский, а Альберто – глава местной мафии. Поэтому Вико Пилини и приехал сюда: в отдел полиции Миланского вокзала.

– Мы приносим вам извинения за незаконное задержание. Вы свободны, – сразу объявил комиссар. – Девушку мы уже отпустили, – добавил он, – она ждёт вас на улице.

Комиссар вывел Диму из здания на площадь прямо перед вокзалом. София стояла в тени цветущих лип в маленьком сквере на противоположной стороне улицы. Девушка задумчиво смотрела на голубей, суесящихся у её ног, и не видела Дмитрия. Когда он подошёл к ней и дотронулся до руки, Со-

фия вздрогнула, быстро оглянулась, прижалась к его груди и разревелась.

Они долго молчали. Дима одной рукой гладил её волосы, другой прижимал к себе. Когда плечи девушки перестали вздрагивать, он спросил:

– Ты как?

– Плохо.

– Всё позади...

– Настоящие нацисты не рисуют свастику на заборах, не кричат «Хайль Гитлер» и не маршируют по улицам в кожаных куртках. Это всего лишь ряженые клоуны. Настоящие нацисты сидят в больших кабинетах в дорогих костюмах, – произнесла София, не отрывая заплаканного лица от его груди и даже не пытаясь остановить слёзы.

– Всё уже позади.

– Да. Я знаю, – всхлипнула девушка. – А что дальше? Что мы будем делать?

– Будем жить в маленьком домике под горой. Чтобы из окон было видно море. Чтобы по вечерам мы могли, слушая пение птиц, любоваться закатами, а по утрам радоваться тому, что солнце снова восходит...

– Думаешь, этого хватит для счастья?

– Помнишь, как говорил священник: чтобы увидеть свет...

– Нужно узнать, что такое тень, – продолжила фразу София.

– У нас ничего нет, кроме любви и свободы. Но теперь мы можем попытаться создать свой собственный райский сад.

Девушка грустно улыбнулась и посмотрела на Диму заплаканными глазами. Ей понравились его слова. Именно их она хотела услышать. Но она прекрасно понимала, что это лишь мечты и никакого райского сада на земле не существует.

Эпилог

В 1970 году между Советским Союзом и Федеративной Республикой Германии была заключена сделка века «газ – трубы».

По этому договору ФРГ поставляла трубы большого диаметра и другое оборудование для добычи газа, а СССР был обязан построить из этих труб газопровод и отправить по нему в Западную Европу газ с месторождений в Сибири.

То есть Советский Союз за свои невосполнимые природные ресурсы не получил от Запада даже «бусы и зеркала», которые смогли вытребовать у европейских колонизаторов неграмотные полуголые аборигены с островов Тихого океана.

Европа поставляла трубы для трубопровода, а СССР, фактически став колонией, нефть, газ и рабский труд своего народа.

В новой Конституции 1977 года было провозглашено создание в СССР новой безликой наднациональной «общно-

сти» людей – советского народа.

Земли, на которых традиционно много веков проживали русские (государствообразующий народ), унижительно и показательно называли «Нечерноземьем».

Через несколько лет, в результате предательства правящей элиты, Советский Союз прекратил существование. То, что пятьдесят лет назад не получилось у фашистов, получилось у руководителей СССР.

В декабре 1991 года был совершён государственный переворот. До этого, в августе 1991 года, организована и успешно осуществлена «операция прикрытия» – цирковое выступление под кодовым названием «ГКЧП».

Чтобы народ не встал на защиту своего государства, «советским руководством», с помощью идеологических провокаций и экономических диверсий, был спровоцирован политический, экономический и продовольственный кризис, вызвавший у большинства граждан недоверие, равнодушие и даже безразличность к «действующей власти».

После уничтожения первой в мире социалистической страны, выполняя договор со своими «теневым хозяевами», новые страны, образовавшиеся на территории СССР, полностью утратили независимость.

Развитие высокотехнологичных отраслей было прекращено. Уничтожены тысячи заводов и фабрик. Выброшены на улицу без средств к существованию миллионы людей.

Новые государства, управляемые менеджерами, назначен-

ными (получившими «ярлык на княжение») в США, стали или сырьевыми придатками Запада, или странами без будущего.

Между колонизаторами и природными ресурсами, предоставляемыми с территорий уничтоженного СССР, появилась прослойка из олигархов и чиновников, которой Запад разрешил получать свой процент прибыли в обмен на помощь этих коллаборационистов в сохранении колониального режима в новых государствах.

30 января 2015 года в Москве в библиотеке Института научной информации по общественным наукам РАН произошёл пожар. Тушение длилось 27 часов.

В результате пожара огнём и водой было уничтожено более пяти миллионов важнейших документов современной истории СССР и РФ.

Президент РАН Владимир Фортов: «Для науки это большая потеря, это крупнейшее хранилище подобного рода, похожее, наверное, на библиотеку Конгресса. Здесь были собраны материалы, которых в других местах найти невозможно».

Расследование произошедшего продолжается до сих пор.